p. 6.118

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
СЕРИЯ Б № 15

В. И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Канд. исторических наук

ИЗ ПРОШЛОГО ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ТАЛЛИН 1965

Ер. 6. 118

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
СЕРИЯ Б № 15 1965

В. И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Канд. исторических наук

ИЗ ПРОШЛОГО ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ТАЛЛИН 1965

Ep. 6. 118

25 лет тому назад трудящиеся массы свергли фашистскую диктатуру в Эстонии и установили свою власть. Четверть века, прошедшие с тех знаменательных дней, с полной убедительностью показали, что только так могла и должна была идти история. Во всех областях общественной деятельности, общественного развития произошли коренные изменения.

Громадные изменения произошли в культурной, научной жизни республики. Одному из вопросов развития культуры и науки Эстонии посвящается данная брошюра.

Конечно, одному автору было бы не под силу дать хотя бы краткий обзор истории развития высшего технического учебного заведения. Большую помощь ему оказали многие преподаватели ТПИ, а также научные сотрудники Института истории АН ЭССР. Работа по созданию истории высшего технического образования и высшей технической школы в республике не закончена. Поэтому любые предложения или замечания на данную брошюру будут с благодарностью приняты.

Автор

Ep. 6730

Eesti NSV
Teaduste Akadeemia

Развернутое строительство коммунизма предполагает постоянное совершенствование научных знаний. Наука все в большей степени становится непосредственной производительной силой. С продвижением общества к коммунизму ее значение неимоверно возрастает. «Коммунизм», говорится в Программе партии, «обеспечивает непрерывное развитие общественного производства и высокую производительность труда на основе быстрого научно-технического прогресса, вооружает человека самой совершенной могущественной техникой, поднимает на огромную высоту господство людей над природой».[1]

Колоссальный рост производительных сил и бурное развитие науки в нашей стране полностью подтверждает ту истину, что величайшие научные достижения современности не случайно связаны с социалистической общественной системой. Только социализм создает материальные и духовные условия для безграничного развития творческой мысли, человеческого гения.

За годы советской власти в СССР создана двадцатидвухмиллионная армия работников умственного труда. Капитализм же все в большей мере сковывает развитие производительных сил, используя величайшие достижения науки против народа, в ущерб интересам человечества.

С развитием науки и техники неразрывно связана подготовка соответствующих кадров, следовательно и развитие высшего технического образования. Подготовка инженеров в капиталистическом обществе подчиняется классовым интересам буржуазии, служению эксплуататорам, а не народу.

Противоречия капитализма, тормозящие развитие науки и техники, неизбежно сказываются на развитии высшего технического образования.

Тот факт, что в СССР подготавливается ежегодно в три раза больше инженеров, чем в США, не случайность, а закономерность. В этом также проявляется превосходство социализма над капитализмом.

---

[1] Программа КПСС, 1961 г., стр. 64.

История возникновения и развития высшего технического образования в Эстонии полностью подтверждает эти положения.

Ни царское правительство, ни буржуазное Временное правительство Керенского не были заинтересованы в создании высших технических кадров из представителей угнетенных народов. Эстонская национальная буржуазия на протяжении всех лет своего господства в деле организации высшего технического образования исходила из своих классовых, узкокорыстных интересов.

Впервые в Эстонии вопрос о техническом образовании наиболее конкретно был поставлен в 1917 году.

В дни борьбы рабочего класса и широких масс трудящихся за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую летом 1917 года Таллинский совет рабочих и воинских депутатов предпринял первые шаги по организации высшего, в первую очередь технического образования.

5 июня 1917 года на Исполкоме городского совета рабочих и воинских депутатов обсуждался вопрос о народном университете. На этом заседании была принята резолюция: «Заслушав доклад представителя Ревельского народного университета тов. Лейферта и приветствуя инициативу «Профессионального общества учащихся города Ревеля» и всех пришедших на помощь делу поднятия народного образования, Совет рабочих и воинских депутатов постановил: возникшей организации оказывать всемерную помощь, для чего 1) войти в числе трех членов в хозяйственный и 2) в числе двух членов в педагогические комитеты, оставляя во всем принцип полной автономии университета».[2] Важнейшим отделением университета было технико-агрономическое, на котором предусматривалось организовать обучение по семи специальностям (паровой механики, двигателям внутреннего сгорания, электротехники, судостроения, автомобилям, строительству, земельно-гидротехнической). Задачей этого отделения являлось «в минимальный срок выпустить образованных узко-специализированных работников, могущих самостоятельно разбираться в сложных условиях своей специальности и являться действительными помощниками инженеров, в условиях современной технической организации».[3]

Первоначально не было разработанных учебных программ и каждый лектор сам решал, что ему читать по своему предмету. Кроме того состав слушателей по уровню подготовки

---

[2] Центральный Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства ЭССР (ЦГАОР), фонд 1216, оп. 1, ед. хранения 3, лист 30.

[3] ЦГАОР, фонд Р-1290, оп. 2, ед. хр. 6, лист 39.

был пестрый, что также затрудняло работу. К осени 1917 года учебой в народном университете было охвачено более 1000 человек, в основном рабочие, матросы, солдаты. Остро стоял вопрос о помещениях для занятий. 4 сентября 1917 года Исполком ревельского совета создал комиссию для подыскания помещения. 18 сентября же было принято решение «предоставить Екатеринентальский дворец в пользование народного университета после освобождения его исполкомом». Дворец предусматривался прежде всего под технико-агрономическое отделение.[4]

Наряду с указанным народным унверситетом к лету 1917 года в Таллине был создан еще один, под названием Эстонский народный университет. Этот народный университет также начал работу в конце мая — в июне месяце. Инициаторами его создания были различные организации местной интеллигенции (Общество школьных учителей, Общество народного просвещения, Женское общество и т. д.). Среди его организаторов были известные в то время буржуазные и мелкобуржуазные политические и общественные деятели (Вильмс, Вестхольм, Аннусон, М. Мартна, Р. Ряго и др.).[5]

В конце июня на совете университета было решено создать 4 отделения, в том числе технико-агрономическое. Но на летних курсах читались лишь лекции по общественно-политическим вопросам. Так, Ю. Вильмс читал о государственном праве и т. п. Лекции эти были платные: по 20 копеек за час.[5а] Количество слушателей, изъявивших желание посещать эти лекции, было вначале около 600, посещало же около 300. Осенью 1917 года на техническом отделении осталось 44 человека. Рабочих было около одной трети, остальные были конторскими или торговыми служащими и т. д.[5б]

В условиях существования двух народных университетов представители университета, созданного Ревельским советом Р и ВД, еще 15 июня 1917 года предложили осуществить их объединение.[5в]

Но буржуазные политиканы постарались помешать этому. 7 июля 1917 года, при обсуждении вопроса об объединении, совет Эстонского народного университета отверг упомянутое предложение, мотивируя отказ тем, что «Стремления и цели Эстонского народного университета совершенно иные . . . Нашей целью является поддержка национально-культурных уст-

---

[4] ЦГАОР, фонд 1216, оп. 1, ед. хр. 3, лист 71.

[5] Таллинский городской архив (ТГА) фонд 299, оп. 1, ед. хр. 161, лист 1, 2.

[5а] Там же, ед. хр. 27, лист 12.

[5б] Там же, ед. хр. 28, документ № 9.

[5в] Там же, фонд 299, ед. хр. 27, лист 33.

ремлений». Это, говорилось в постановлении, возможно выполнить «только тогда, когда мы останемся свободными от всех посторонних влияний».[5г]

Буржуазные политики и общественные деятели рассчитывали при помощи лекций в Народном университете протаскивать свою националистическую идеологию, помешать тем самым процессу большевизации масс.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей труд и раскрывшей безграничный простор развития созидательным силам, способностям и талантам трудящихся, оказалась переломным моментом и в истории технического образования в Эстонии.

Уже первое советское правительство в Эстонии — Исполком совета рабочих и воинских депутатов — обратил большое внимание на использование современной науки и техники. При Исполкоме был создан специальный технический отдел, состоящий из следующих подотделов: дорожного, архитектурно-строительного, отделения по разработке и эксплуатации полезных ископаемых и др.[6]

Молодой советской республике нужны были специалисты, в особенности в различных областях техники. Опыт, накопленный Народным университетом, привлечение к делу специалистов-инженеров, дали возможность уже в первые месяцы советской власти приступить к созданию высшего технического учебного заведения в Эстонии.

В начале ноября 1917 года были разработаны предложения по реорганизации в первую очередь технического отделения народного университета. Вместо 8-месячных курсов, предлагалось увеличить срок обучения до 2 лет, т. е. 4 семестров, причем первые два семестра должны были быть общеобразовательными, а старшие — специальными.[7]

3 декабря 1917 года на заседании Совета были приняты положения об отделениях народного университета. В начале 1918 года Ревельский совет рабочих и воинских депутатов принял ряд важнейших постановлений, долженствовавших определить работу университета.

1 января 1918 года на заседании исполкома Ревельского совета обсуждалась просьба народного университета выдать ему единовременное пособие либо регулярную субсидию т. е. взять его на государственный бюджет. В то время вопрос о финансах был для молодых советских органов весьма трудным. Иногда случалось, что у исполкома денежных средств в

[5г] ТГА, ед. хр. 161, лист 14.
[6] ЦГАОР, фонд Р-1290, оп. 1, ед. хр. 580, лист 16.
[7] Там же, оп. 2, ед. хр. 6, лист 39.

наличии не имелось. В один из дней января в кассу Ревельского исполкома поступило 35 000 рублей, но из них только 27 рублей были кредитными билетами, а остальные — почтовыми марками стоимостью в 1—2—3 копейки. 25 января 1918 года в кассе исполкома было всего 115 000 рублей.[8]

Несмотря на такие финансовые затруднения, исполком постановил в ответ на просьбу университета: «Субсидию выдавать». Условием была поставлена необходимость предоставления Советом народного университета удовлетворяющей информации о его деятельности.[9]

Ревельский совет рабочих и воинских депутатов, обсуждавший 2 января 1918 года вопрос о субсидиях народному университету, определил дальнейшую форму руководства университетом. В постановлении предлагалось создать комиссию из представителей всех демократических организаций и поставить ее во главе университета. В то же время предполагалась организация контроля со стороны трудящихся за политической направленностью лекций, читаемых в университете. До проведения этих мероприятий совет не считал возможным регулярное субсидирование народного университета.[10]

Необходимость такого контроля вытекала из того, что советской власти пришлось для организации высшего технического учебного заведения использовать буржуазных специалистов, подчас враждебно настроенных по отношению к рабочему классу. Так среди буржуазных специалистов, принимавших участие в разработке учебных программ технических специальностей, были К. Ипсберг, К. Вирма, А. Уэссон и другие.

Уже через 10 дней после принятия первого постановления об университете, по инициативе местного Ревельского флотского комитета, Ревельский совет рабочих и воинских депутатов дополнил и конкретизировал решение, принятое 2 января. В постановлении от 12 января говорилось: «Совет, пересмотрев свое постановление от 2-го января с. г., постановил: поручить культурно-просветительной секции:

а) войти несколькими членами в состав университетского совета;

б) на месте выяснить размеры необходимой субсидии для поддержания жизнеспособности университета;

в) доложить совету на следующем заседании о размере необходимой субсидии.»[11]

---

[8] ЦГАОР, фонд, 1216, оп. 1, ед. хр. 1, лист 23.
[9] Там же.
[10] Там же, ед. хр. 2, лист 1.
[11] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ. Фонд 27, опись 1, ед. хр. 438, лист 5.

Создаваемое государственное учебное заведение планировалось как высшее и в первую очередь оно должно было стать высшим техническим учебным заведением.

Об этом свидетельствует, во-первых, тот факт, что технико-агрономическое отделение было основным, существовавшим при народном университете (созданным Ревельским советом 5 июня 1917 года); во-вторых, разработанные планы реорганизации, как уже говорилось, охватывали главным образом технические специальности. Наконец, имеются архивные данные о том, что в конце 1917, в начале 1918 года Эстонское техническое общество (Ээсти Техника Сельтс) полностью разработало программы именно для технического учебного заведения, а не вообще для университета.[12]

Вот почему мы можем констатировать, что при советской власти в 1917—1918 годах в Эстонии впервые закладывались основы высшего технического учебного заведения.

Период немецкой оккупации прервал созидательную работу первого рабочего правительства в Эстонии. В связи с этим не удалось завершить работу по организации деятельности народного университета. Немецкие оккупационные власти даже не разрешили группе членов Эстонского технического общества издать разработанные учебные программы. Все же группе местных эстонских инженеров удалось в августе 1918 года начать подготовку к созданию частных технических курсов. 16 августа 1918 года состоялось первое организационное собрание по подготовке курсов. Руководителем их был избран К. Ипсберг. На курсах намечалось организовать занятия в шести отделениях. В уставе технических курсов, существовавших при Эстонском техническом обществе, говорилось, что «Задачей технических курсов Эстонского технического общества является подготовка практической рабочей силы по различным отраслям техники».[13]

К сентябрю на курсы зарегистрировалось 58 человек. Занятия должны были начаться 16 сентября. Осенью 1918 года на этих курсах занималось всего 120 человек, в том числе 28 — на отделении машиностроения, 41 — электротехники, 19 — инженерно-строительном отделении, 18 — на кораблестроительном, 8 — гидротехническом и 6 — архитектурном.[14]

Как в этот период, так и в дальнейшем, после краха германской оккупации, эстонская буржуазия, ее организации не оказывали необходимой помощи созданным курсам. Так

---

[12] ЦГАОР, фонд 1108, оп. 5, ед. хр. 443-а лист 5; фонд 1837, оп. 1, ед. хр. 4, листы 2—3.

[13] Там же. фонд 1837, оп. 1, ед. хр. 4, лист 4; фонд 1108, оп. 5, ед. хр. 443-а, лист 1.

[14] Там же, фонд 1837, оп. 1, ед. хр. 4, лист 5.

министр просвещения буржуазного правительства 3 декабря 1918 года ответил отказом на просьбу эстонского технического общества о предоставлении помещения и оказании финансовой помощи созданным курсам, отказав также в просьбе не мобилизовывать слушателей в ряды буржуазной армии.[15]

Несмотря на трудные условия гражданской войны и иностранной военной интервенции, совсем по другому отнесся к вопросу о подготовке технической интеллигенции рабочий класс во главе с коммунистической партией.

В конце 1918 года части Красной Армии, в том числе эстонские красные полки, начали освобождение Эстонии от оккупантов. Развернулось восстановление советской власти. Одним из важнейших актов правительства Эстонской трудовой коммуны было создание высшего учебного заведения — народного университета.

Постановление Правительства ЭТК о создании университета было принято 16 марта 1919 года. Первоначально, пока продолжались военные действия на территории Эстонии, университет открывался в Петрограде. Как указывалось в принятом положении, Университет Эстонской трудовой коммуны являлся высшим научным и учебным учреждением.[16]

Он должен был состоять из трех ступеней: подготовительной, научно-технической и научной. На второй ступени — собственно политехникума, продолжительность учебы предусматривалась в два года. На этой ступени должна была осуществляться подготовка инструкторов по соответствующему профилю. Задачей третьей ступени университета (два года обучения) являлась подготовка научных работников.

Университет состоял из двух факультетов: политехнического и педагогического. На политехническом факультете создавались отделения: строительное, механическое, сельскохозяйственное и отделение народного хозяйства (экономическое). Предусматривалась подготовка специалистов по 20 специальностям.

Постановлением ЭТК предусматривался прием на первый курс 100 человек. Студенты обеспечивались стипендией.

Ректором университета был назначен А. Полещук, специалист по архитектуре и строительным конструкциям. В качестве преподавателей приступили к работе: проф. О. Мадиссон по строительству, тт. Л. Шмидт, И. Мельдер и др. по химии, машиностроению, электротехнике, металлургии.

Среди первых студентов, зачисленных на технический фа-

---

[15] ЦГАОР, фонд 1108, оп. 5, ед. хр. 443-а, лист 11.

[16] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, дело 298, л. 2.

культет были Петр Воолин, Эдуард Блюм, Ольга и Ксения Тоом и др. В мае и июне начались первые занятия. Читались лекции по химии, метеорологии, статике, динамике, начертательной геометрии и другим предметам. Велась подготовка к чтению курсов строительной механики, строительных материалов и др.[17]

Однако в годы гражданской войны эстонский рабочий класс потерпел поражение. Пришедшие на помощь эстонской буржуазии войска иностранных интервентов и русских белогвардейцев создали перевес сил на стороне врагов рабочего класса Эстонии. Эстонская трудовая коммуна прекратила свое существование. Пришедшая же к власти эстонская буржуазия смогла создать высшее техническое учебное заведение лишь в 1936 году. И только Советская власть, восстановленная в Эстонии в 1940 году, обеспечила подлинное развитие и расцвет высшего технического образования в республике.

На территории буржуазной Эстонии осенью 1919 года в Таллине со стороны технической общественности поднимался вопрос о создании государственного высшего технического учебного заведения. Но буржуазное правительство отказалось поддержать это начинание. Тогда в октябре 1919 года по инициативе группы инженеров было открыто частное техническое учебное заведение — Таллинский техникум. Техникум размещался в здании гильдии Канута по ул. Пикк. Никакой государственной помощи он не получал, поэтому основным источником дохода являлась учебная плата, составлявшая тогда 260 марок.[18] Только под давлением общественности 14 мая 1920 года был утвержден правительством устав техникума и тем самым он стал государственным учреждением.

* * *

Созданный весной 1920 года Таллинский техникум был довольно сложным по своей структуре учебным заведением. Он состоял из подготовительных классов с трехгодичным сроком обучения, низшей ступени и высшей ступени техникума, с таким же сроком обучения. В подготовительных классах занятия проводились по программе средней школы, причем несколько больше внимания уделялось черчению и рисованию. Подготовительные классы, или как их еще называли, предтехникум, просуществовали до 1923 года.[19] Студенты, окончившие низшую ступень, приравнивались к техникам, а окон-

---

[17] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, ф. 28, оп. 3, дело 302, лист 1; дело 301, лист 2, 3, 8; дело 304, лист 2; дело 299, лист 1, 11.

[18] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 4, лист 4.

[19] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 4, лист 10.

чание высшей ступени давало права исполнять должности инженеров и архитекторов.[20]

Таким образом Таллинский техникум, представляя собой промежуточную ступень между средним и высшим учебным заведением, давал в тех условиях высшее техническое образование в Эстонии, но не в полном смысле этого слова. В отличие от высших технических учебных заведений других стран дипломированных инженеров он не готовил.

При техникуме с 1922 года существовала государственная испытательная палата по электротехнике, сопротивлению материалов, а также по газовому, тепловому и водному хозяйству.

В составе первых преподавателей Таллинского техникума были профессора и инженеры: А. Полещук, О. Мадиссон, Х. Рейер, П. Вольмер, А. Вельнер, О. Рейнвальд и др. Директором техникума был назначен Х. Рейер.

Одними из первых студентов были: Л. Юргенсон, Я. Иванд*, Р. Амброс — ставшими позже видными преподавателями ТПИ. Из 38 преподавателей Таллинского техникума 31 получили свое образование в высших учебных заведениях России. И это не случайно. Согласно данным комиссии по регистрации технических специалистов с высшим образованием в Эстонии в течение 1923 года было зарегистрировано всего 149 инженеров и архитекторов. Из них только 11 получили образование в других странах (в основном в Германии), тогда как 138 — в вузах царской России, в том числе Рижский политехнический институт окончило 76 человек. Многие окончили технические вузы Москвы и Петербурга.[20a]

В Таллинском техникуме подготавливались инженеры по различным специальностям — строительству, архитектуре, электротехнике, машиностроению, технической химии и др. Количество учащихся было в 1920 году — 270. В 1929 году число студентов возросло до 539 человек.[21]

Первые 12 человек окончили Таллинский техникум в 1923 году. До апреля 1935 года техникум окончило всего 197 инженеров, в том числе 49 электротехников, 40 по специальности строительной техники, 38 — по машиностроению, 26 по архитектуре и технической химии. Кроме того было подготовлено несколько инженеров по кораблестроению, гидротехнике, санитарной технике и механико-кораблестроителей.[22] Всего же,

---

[20] ЦГАОР, дело 5, лист 1.

* Я. Иванд работал продолжительное время заведующим кафедрой ТПИ. Умер в 1964 году.

[20a] ЦГАОР, фонд 1108, оп. 5, ед. хр. 306, листы 24—28, 36—37.

[21] Там же, фонд, 1837, опись, 1, дело 5, лист 257, 260.

[22] Eesti Statistika Kuukiri 1935. a. Tallinn, lk. 306.

т. е. до лета 1936, в Таллинском техникуме было подготовлено 296 инженеров.[23]

В работе техникума имели место большие трудности. Эстонская буржуазия, оказавшаяся в полной зависимости от иностранных империалистов, не была в состоянии создать необходимую базу для высшего технического образования. Такой естественный базой может и должна быть растущая промышленность, в особенности тяжелая промышленность. Без технического прогресса в промышленности и роста ее в целом, не может быть основы для развития технического образования. Эстонская буржуазия, придя к власти, не только не развивала тяжелую промышленность, но пошла на ликвидацию ее многих отраслей и сдачу ее в руки иностранных империалистов. Последние не были заинтересованы в техническом перевооружении промышленности Эстонии, одной из причин чего было наличие здесь дешевой рабочей силы. Заработок таллинского рабочего составлял в 1928—1929 гг. 73,8% от заработка рабочего Таллина в 1913 году, т. е. при царизме. Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических государств проявлялась также в том, что на важнейших инженерных постах в промышленности были иностранцы, в первую очередь немцы и англичане.

Газета «Ваба Маа» писала в 1933 году: «Наша крупная промышленность почти без исключения в руках иностранцев, они руководят в административном и в финансовом отношении и технически».[24]

На всем протяжении своего существования Таллинский техникум не получал необходимой финансовой помощи от государства. Важнейшей статьей доходов техникума была плата за обучение и другие поборы, взимаемые с учащихся. Так в 1926—1927 учебном году — еще до экономического кризиса — из 4,7 млн. марок доходов и поступлений — 2,4 миллиона было получено с учащихся в виде платы за обучение. Таким образом более чем на 50% техникум работал за счет студентов.[25]

Заработная плата преподавателей была низкой. В силу этого они, в том числе и директор техникума, должны были дополнительно работать на производстве. В 1923 году, когда возник вопрос о переводе техникума в другой район города — в Копли, совет техникума в своем постановлении от 30 апреля 1923 года отмечал, что из-за плохой связи Копли с городом многие преподаватели должны будут покинуть работу в тех-

---

[23] ЦГАОР, фонд 1837, опись 1, дело 2, лист 95—106, 145.
[24] «Vaba Maa» nr. 77, 1. aprillil 1933. a.
[25] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 688, лист 1.

никуме, так как тогда им придется отказаться от параллельной работы на предприятиях.[26]

Все это сказывалось на налаженности учебной работы. Как об этом говорили студенты на одном из своих собраний (25 октября 1925 года) — неудовлетворительно был организован даже прием экзаменов. Студенты узнавали о них лишь за несколько дней. Все экзамены назначались на одни и те же два-три дня, так что даже при желании трудно было сдать их успешно.[27]

По закону студенты имели право на получение финансовой поддержки, в частности, освобождения от платы за обучение, но и здесь господствовал крайний бюрократизм и казенщина.

Так на собрании попечительского совета техникума 3 октября 1928 года проф. О. Мадиссон предложил, основываясь на соответствующих положениях буржуазного законодательства, освободить некоторых студентов от платы за обучение. Но это предложение не нашло поддержки. Причиной отказа, как отмечалось в постановлении, являлось то, что «смета расходов уже была составлена и направлена на утверждение». Совет постановил — отложить вопрос об освобождении студентов от платы за обучение на год.

Вопросом об освобождении небольшой части студентов от платы за обучение стали заниматься только в мае 1932 года.[28]

В целом, Таллинский техникум с самого начала своего существования находился, по характеристике буржуазной печати, на положении «сироты» — «кто он, что он и что с ним будет, никто не знает».[29] Министерство просвещения буржуазной Эстонии на запрос — какое же это учебное заведение, отвечало: «это не среднее учебное заведение и не высшее».[30]

Еще до того, как техникум дал первых выпускников, в буржуазных кругах стали говорить о сокращении подготовки технических специалистов. В этом отношении характерно решение правления техникума от 31 января 1923 года. Рассматривая вопрос о будущности техникума, на правлении стали подсчитывать — сколько инженеров ежегодно вообще потребует промышленность Эстонии. По имеющимся данным в Эстонии было в тот период около 500 инженеров и техников, работающих на инженерных должностях. В постановлении правления говорилось: «Если каждый из них в среднем проработает по своей специальности 20 лет, то отсюда получится, что для

---

[26] Там же, дело 4, лист 18, 30.
[27] Там же, дело 737, лист 24.
[28] Там же, дело 688, лист 8, 19.
[29] Там же, дело 4, лист 29.
[30] Там же, лист 32.

того, чтобы промышленность развивалась, надо выпускать ежегодно 25 студентов. За границей жизнь показала, что далеко не все поступающие в технические учебные заведения оканчивают их с правами инженеров, а только $^1/_6$ или $^1/_8$. Поэтому нам надо принимать ежегодно 200 студентов, чтобы необходимое количество инженеров было подготовлено».[31]

Подготовка новых инженеров не связывалась с расширением производства и техническим прогрессом. Эстонская буржуазия не видела в двадцатых годах возможности расширения производства, не говоря уже о техническом прогрессе. Действительно, рост объема всего народного хозяйства за двадцатые годы составлял незначительные проценты. С 1925 по 1929 годы объем промышленной продукции и сельского хозяйства возрос всего на 0,4% (см. статью автора из сборника «Из истории борьбы эстонского народа за социализм». Таллин, 1960 г., стр 34). Это говорило о неустойчивости всего экономического положения республики. Вот почему наряду с застоем экономики буржуазной Эстонии происходило свертывание технического образования. Буржуазное правительство не могло даже обеспечить необходимые помещения для техникума.

В 1927 году возник вопрос о дальнейших судьбах техникума в связи с тем, что надо было освободить помещение по ул. Пикк. На деле вопрос был связан с причинами более глубокого, экономического характера. Строительство нового здания по проектам потребовало бы 200 миллионов марок. Указанную сумму найти буржуазное государство не считало возможным. Возник вопрос: либо вообще ликвидировать техникум в Таллине, как самостоятельное учебное заведение, либо открыть технический факультет при Тартуском университете.[32]

Некоторые руководители буржуазного государства, как главнокомандующий генерал Лайдонер в Государственном собрании 6 ноября 1928 года говорил: «Мы сейчас не в состоянии создать ни высшее техническое учебное заведение, ни технический факультет».

В Эстонии назревал глубокий экономический кризис. Вот почему в ноябре же 1928 года министр просвещения — Мыттус в Государственном собрании заявил, что «нам надо в большей степени квалифицированных рабочих и техников, и в совершенно ограниченном количестве инженеров с высшим образованием».[33] Министр считал, что для промышленности

---

[31] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 688, лист 17.
[32] «Esmaspäev», 18. sept. 1928. a.
[33] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 4, лист 63.

Эстонии будет достаточно всего 400 инженеров. Отсюда он делал вывод, что достаточно готовить в год 15—18 новых инженеров. Газета «Постимеэс» в связи с этими цифрами указывала: «теперь видно, в чем состоит вопрос: неужели для подготовки 16 человек надо иметь самостоятельное учебное заведение вместе с оборудованием и администрацией».[34]

Буржуазная печать открыто писала, что в условиях Эстонии невозможно обеспечить людей специальной литературой на родном языке. «Технической литературы на эстонском языке вообще нет и никогда не будет», подчеркивала газета «Сакала».[35]

Один из главарей эстонских социалистов — Рей, который являлся в те годы директором управления науки и искусства Министерства просвещения и которому подчинялись все высшие учебные заведения Эстонии, открыто заявил, что «пусть за границей будут и дальше подготавливаться инженеры, нам же самостоятельного высшего технического учебного заведения не надо, т. к. не надо новых технических специалистов».[36]

Государство выделяло ежегодно относительно крупные суммы на обучение за границей. Так, еще в 1921 году в высших учебных заведениях других стран обучалось 40 человек, в том числе по строительству — 10, машиностроению — 10, электротехнике — 5, химии — 5, архитектуре — 4 и т. д. Из них 32 училось в вузах Германии, 6 — Латвии, по одному — во Франции и Англии.

Но какие кадры там готовились? 18 ноября 1921 года работник посольства буржуазной Эстонии в Берлине писал в Министерство просвещения: «Дух, который господствует в немецких университетах и академических кругах, крайне националистический, милитаристский и империалистический... я считаю, что сейчас крайне опасно посылать учиться сюда молодых студентов».[36а] Однако руководителей буржуазной Эстонии такой дух вполне устраивал, ибо они продолжали направлять своих студентов за границу, замахиваясь на судьбу Таллинского техникума.

Еще в мае 1924 года тогдашний министр просвещения епископ Рахамяги в докладной правительству писал о необходимости ликвидации подготовки инженеров-химиков. «У нас в промышленности Эстонии, — писал сей епископ, — сейчас и очевидно и в будущем нет большой необходимости в инженерах-химиках... у нас скорее перепроизводство их, чем недо-

---

[34] «Postimees» nr. 162, 19. juuni 1931. a.
[35] «Sakala», 16. okt. 1928. a.
[36] «Päevaleht», 18. veebr. 1928. a.
[36а] ЦГАОР, фонд 1108, оп. 5, ед. хр. 88, лист 69.

статок». 28 мая 1924 года за подписью Государственного старосты (президента) Акеля было издано постановление правительства: «Учитывая, что большой потребности в инженерах-химиках нет, ликвидировать в учебном плане Тартуского университета разделение на химию и химическую технологию, ликвидировать профессуру неорганической химии и доцентуру прикладной механики. В Таллинском техникуме ликвидировать химическое отделение».[37]

С 1926 года в техникуме осталось только два отделения — строительное и механическое. Как писали студенты техникума 8 октября 1928 года Государственному собранию «вопрос об организации технического образования уже годы является больным вопросом. Можно сказать, что он появился с возникновением республики». 27 августа 1929 года постановлением правительства Таллинский техникум как учебное заведение, готовившее инженеров, вообще ликвидировался. Полностью прекращался новый прием студентов. Предоставлялась только возможность закончить его ранее поступившим студентам.[38] Уже с 1925 года из года в год сокращалось общее количество принимаемых студентов. Неуклонно сокращалось число преподавателей. Если в 1922 году в техникуме работало 57 преподавателей, то в 1928 году их осталось только 35, в 1931 — 28, в 1932 — всего 14 человек.[39]

В 1928 году в Таллине был учрежден новый техникум, готовивший лишь техников. Это был явный регресс в постановке технического образования, отражавший застой в экономической и общественной жизни буржуазной Эстонии.

Ликвидация Таллинского техникума в 1929—33 годы в Эстонии была не случайным явлением. Это были годы мирового экономического кризиса, тяжело поразившего экономику буржуазной Эстонии. Катастрофическое падение промышленного производства, рост безработицы, в том числе среди интеллигенции, заставило эстонское правительство вопрос о высшем техническом образовании похоронить на канцелярских задворках. В эти годы развернулась дискуссия о том, — переводить ли техникум в Тарту или нет. Перевод техникума в Тарту сулил некоторую экономию в средствах, однако отдалял его от центров промышленности.

Используя внутреннюю неустойчивость в стране, отъявленные фашистские элементы, в лице партии вапсов, пытались установить в Эстонии свою фашистскую диктатуру. Часть буржуазной интеллигенции их поддерживала. Все это также от-

---

[37] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 5, лист 137.
[38] Там же, дело 4, лист 84.
[39] Eesti Statistika 1935. Tallinn, 1935, leht 306.

разилось в какой-то мере на дальнейшей судьбе высшего образования в Эстонии, в том числе технического. В частности, это проявилось в борьбе за то, где должна была проходить подготовка инженеров: в Тарту (в центре движения вапсов) или в Таллине.

В годы мирового экономического кризиса 1929—1933 годов в результате антинародной политики эстонской буржуазии еще более ухудшилось положение с высшим образованием в республике. Статистические данные об общеобразовательном уровне показывают, что только 0,8% населения имело в 1934 году высшее образование (8 человек из тысячи), тогда так незаконченное и законченное начальное — 78,1%.[40] В то же время, как выше указывалось, правительство свертывало техническое образование.

Буржуазия урезывала также средства, выделяемые Тартускому университету. По государственному бюджету университет из года в год получал все меньше ассигнований. Если 1930/31 год взять за 100%, то в 1931/32 году университет получил ассигнований от государства 87,7%, в следующем — 75,4% и, наконец, в 1933/34 году — 62,5%.[41]

Таким образом за три года ассигнования сократились более чем на одну треть.

Тяжелое экономическое положение сокращало возможности продолжать учебу студентам из семей трудящихся. Падение курса эстонской кроны привело к тому, что за 1932/33 годы цены на мясо возросли вдвое, на масло в два с половиной раза. Один из рабочих старост на собрании в Таллине в декабре 1933 года говорил: «Дети из семьи рабочих так или иначе не могут попасть в политехникум».[42] Молодой человек из трудящейся семьи, если ему удалось поступить в техникум, «наряду с учебой напряженно работает, чтобы с трудом заработанными грошами заплатить за учебу и поддержать свою жизнь . . . Можно сказать, что конкуренция на некоторые рабочие места настолько большая, что условия зарплаты снижены до минимума».[43]

Такое положение приводило к дальнейшему сокращению числа студентов, к вынужденному уходу из учебных заведений. В выше упомянутом письме студентов Таллинского техникума Государственному собранию от 8 октября 1928 года приводились следующие данные. С основания техникума в нем училось 1667 человек, окончило 46, учится — 530. Таким обра-

---

[40] Eesti arvudes 1930—1935. Tallinn, 1937, lk. 14.
[41] «Päevaleht», nr. 250, 14. sept. 1933. a.
[42] «Hommikleht», nr. 100, 5. dets. 1933. a.
[43] «Esmaspäev», nr. 24, 13. juuni 1933. a.

зом, по тем или иным причинам техникум не закончило 1121 человек. В последующие годы положение в этом отношении несколько улучшилось. Всего, т. е. до 1 VI 1936 года техникум закончило 266 инженеров и 30 архитекторов, т. е. 296 человек.

Следовательно, не смогли окончить техникум еще 280 человек.

В годы кризиса значительная часть окончивших высшее учебное заведение вливалась в армию безработных. Так, по данным «Общества безработной интеллигенции», к моменту возникновения общества в 1932 году было зарегистрировано 272 безработных интеллигента. Всего же в этом году было взято на учет 396 безработных; в 1933 году зарегистрированных безработных среди интеллигенции числилось уже 496 человек.[44]

О «перепроизводстве» интеллигенции забила тревогу буржуазная печать.

Еще в конце 1929 года газета «Пяэвалехт» писала: «Нашему университету только десять лет, а мы уже страдаем от перепроизводства интеллигенции... Кто же виноват в том, что у нас понятия «интеллигент» и «безработный рабочий» все более смешиваются и приравниваются».[45]

При рассмотрении количества безработных из интеллигенции необходимо иметь в виду, что в Эстонии, где большой процент населения составляет мелкая буржуазия, очень часто слову «интеллигент» придавалось особое значение. Обыватель, который высокомерно смотрел на труд рабочего и имел кое-какое образование, считал себя интеллигентом. В разряд ин-интеллигентов себя причисляли часто люди, не имевшие никакого специального образования. Поэтому нередко в списки безработных интеллигентов вносились имена всех мелких конторских служащих и других, не занятых непосредственно физическим трудом.

Среди технической интеллигенции, имевшей специальное образование, безработных было относительно меньше. Гораздо труднее было положение специалистов нетехнического профиля. Однако в годы экономического кризиса безработица охватывала все слои интеллигенции.

Газета «Ваба Маа» в 1932 году в статье «Перепроизводство интеллигенции» писала, что на экономическом факультете студенты не интересуются занятиями, так как у экономистов нет никакой перспективы получить работу.[46] В газете «Кая» указывалось: «На самом деле мы видим, что у нас все

---

[44] ЦГАОР, фонд 3210, оп. 1, дело 2, лист 23, 35.
[45] «Päevaleht», nr. 280, 16. okt. 1929. a.
[46] «Vaba Maa», nr. 262, 6. nov. 1932. a.

места заняты инженерами и учителями, которые ищут случайного заработка... Уже сейчас зарегистрированное число инженеров так велико, что их хватит, по крайней мере, на десять лет, без того, чтобы надо было бы подготавливать новых.»[47]

В действительности количество инженеров в промышленности Эстонии было мизерным.

По данным государственных учреждений к 1934 году в Эстонии имелось всего 551 инженеров, из них инженеров машиностроителей — 51, инженеров-химиков — 37, инженеров-кораблестроителей — 14.

Больше всего было инженеров-строителей — 156.[48]

Буржуазная пресса всячески пыталась «объяснить» тяжелое положение специалистов с высшим образованием. Из 82 зарегистрированных архитекторов работало по специальности только 21 или около 25%. Безработицу же среди архитекторов пытались оправдать ссылкой на отсутствие перспектив для развития жилищного строительства в Эстонии.[49]

Газета «Пяэвалехт» пыталась объяснить безработицу тем, что университет готовит плохих, оторванных от жизни специалистов. «Наши молодые дипломированные юристы и экономисты оказались в практической жизни крайне слабыми и не в состоянии конкурировать, например, с прежними, волостными писарями русского времени, которые никаких университетов не окончили... Для чего же мы посылаем молодых людей в университет!», сетовал автор статьи.[50]

Государственная межминистерская комиссия, которая должна была решить вопрос о перспективах технического образования в Эстонии, пришла в 1932 году к выводу, «что сейчас количество инженеров уже больше потребности и подготовка их в ближайшие годы является нецелесообразной».[51]

* * *

В 1933—1934 годы наиболее низкий уровень промышленного производства в Эстонии был пройден.

В 1934 году, по сравнению с предыдущими годами, возросла добыча сланца, фосфоритов, увеличилось количество рабочих, занятых в промышленности. В особенности возросло количество рабочих в строительной промышленности.

---

[47] «Kaja», nr. 129, 4. juuni 1932. a.
[48] Valitsusasutuste tegevus 1918—1934. Tallinn, 1935, lk. 22.
[49] «Vaba Maa», nr. 279, 28. nov. 1933. a.
[50] «Päevaleht», nr. 280, 16. okt. 1929. a.
[51] «Kaja», nr. 58, 9. märts 1932. a.

Увеличилась также продукция сельского хозяйства. Доходы государства возросли за год на 14%.[52]

В последующие три-четыре года объем промышленной продукции возрастал. Увеличивалось также количество рабочих и инженерно-технических работников (см. табл. 1).

Таблица 1[53]

Отрасль промышленности	Количество рабочих в крупной и средней промышленности			Количество технического персонала в крупной и средней промышленности		
	1. I 1935	1.VII 1936	1. I 1938	1. I 1935	1.VII 1936	1. I 1938
Металлообрабатывающая	3 958	5 630	6 876	201	254	304
Строительная	1 100	4 420	2 701	120	222	258
Связывающих материалов	405	646	606	11	17	16
Электростанций	396	496	566	35	36	47
Химическая	1 225	1 931	2 591	92	147	146
Сланцевая	1 371	2 727	3 614	54	97	146
Бумажная	2 870	2 007	2 288	100	100	113
Всего по данным отраслям:	11 325	17.857	19.242	613	873	1 030
По всей промышленности:	31 250	46 976	46 786	1 400	1 806	2 160

Вместе с тем уже в 1936—38 годах обозначился более медленный темп прироста рабочей силы, а в некоторых отраслях промышленности (текстильной, деревообделочной) даже снижение числа рабочих. Сохранялась также безработица, хотя в меньшей мере, чем в период кризиса.

В приведенной таблице имеются данные по всей крупной и средней промышленности Эстонии (предприятия с количеством рабочих более 5). Кроме того приводятся данные по тем отраслям производства, для которых готовились специалисты в созданном в эти годы Таллинском техническом институте.

Снижение количества рабочих в строительной промышленности в 1938 году по сравнению с 1936 годом объясняется сезонностью работ (данные на июль и январь).

---

[52] Eesti majandus 1934. a. Eesti Panga aastaraamat. Tallinn, 1935, lk. 75, 78, 79, 95. Eesti arvudes 1920—1935. a. Tallinn, 1934. a. lk. 6.

[53] Таблица составлена на основании:
Eesti Statistika 1935, Tallinn, 1935, lk. 226—227.
Eesti Statistika 1936, Tallinn, 1936, lk. 606, 607.
Eesti Statistika 1938, Tallinn, 1938, lk. 210, 211.

Из данных таблицы следует, что прирост рабочих шел быстрее, чем рост количества технических работников. В металлообрабатывающей промышленности на 100 рабочих было на 1 янв. 1935 года 5,5 технических работников, 1 янв. 1938 — 4,8. В химической промышленности соответственно 11,8 и 10,0.

Здесь явно сказалась отсталость буржуазной Эстонии в деле подготовки технических специалистов.

Некоторое оживление экономики создало определенные предпосылки для развития технического образования. Рост промышленного производства, интересы промышленного капитала требовали большего числа технических специалистов.

Это послужило основной причиной, постановки вопроса о высшем техническом образовании вновь на повестку дня. Но не только это обусловило создание в 1936 году Таллинского технического института — высшего технического учебного заведения в Эстонии. На решении этого вопроса сказался также ряд других факторов.

К 1936 году народы Союза Советских Социалистических Республик под руководством КПСС достигли всемирно-исторических побед. Советская республика из отсталой, аграрной страны, каковой она была в дореволюционный период, стала могучей индустриальной державой.

Успехи социалистического строительства СССР показали, что в исторически короткий срок ранее отсталая страна может превратиться в государство с передовой техникой, наукой и культурой. Вот почему буржуазное правительство Эстонии в условиях благоприятной экономической коньюнктуры пыталось, для укрепления своих классовых позиций, использовать пример подготовки технических кадров в СССР. К. Пятс — президент и глава буржуазного правительства, в своем выступлении перед делегатами первого Дня инженеров сказал: «Мы обращаем внимание на великое соседнее государство — Россию, где грандиозным использованием технических знаний стремятся поднять эту прежде отсталую страну до уровня других наиболее развитых стран. И в нашей стране необходима большая техническая работа и повышение технических знаний».[53a]

Вместе с тем эстонская буржуазия, в лице фашистского правительства К. Пятса, создавая высшее учебное заведение, также преследовало непосредственные политические и военные цели.

[53a] «Vaba Maa» nr. 67, 23. märts 1936. a.

Правительство Пятса—Лайдонера стремилось укрепить свои политические позиции и ослабить позиции своих политических противников. Этим целям служило создание нового технического высшего учебного заведения. Кроме того, в этом была заинтересована военная клика. Директор отделения искусства и науки Министерства просвещения указывал в 1936 году, что создание технического учебного заведения даст возможность подготовить специалистов по отравляющим газам, взрывчатым веществам и др. военным специальностям.[54] Не случайно военный министр вошел в комиссию по разработке законопроекта о высшем техническом образовании. Выступая 15 сентября 1936 года на открытии Таллинского технического института, генерал Лайдонер заявил: «Мы, военные, особенно заинтересованы в создании самостоятельного высшего технического учебного заведения... Сейчас создается также военное техническое училище». Действительно, Таллинский технический институт с его аудиториями, лабораториями и преподавательским составом использовался в качестве базы для этого училища. Кроме того предусматривались льготы для поступления в институт курсантам военного технического училища. В результате значительную часть студентов составляли офицеры и унтерофицеры буржуазной армии. Так, в 1938 году из 489 студентов института офицеров было 126, унтерофицеров — 68, кроме того капралов и рядовых, прошедших службу в буржуазной армии, — 144 человека.[55]

Осенью 1938 года при Техническом институте (с 1938 года институт стал называться Техническим университетом) был создан военный институт, введено военное обучение, в связи с чем срок обучения студентов был увеличен на целый год. Студенты разбивались на роты, взводы и отделения. В соответствующем постановлении отмечалось, что студенты, не подчиняющиеся учебной дисциплине на военных занятиях, подлежали исключению из университета.[56]

Все это явилось составной частью милитаризации Эстонии. Этой же цели служило включение студенческих корпораций в военно-фашистскую организацию Кайтселийт и т. д.

Одной из главных причин, побудивших правительство в интересах буржуазии обратить большое внимание на техническое образование, было стремление добиться большей прибыли путем усиления эксплуатации рабочих на основе применения средств более современной техники. На собрании руководства буржуазно-фашистской организации Исамаалийт К. Пятс го-

---

[54] «Postimees», nr. 116, 1. mai 1936. a.
[55] ЦГАОР, фонд 1108, оп. 5, ед. хр. 903, лист 337.
[56] «Päevaleht», nr. 259, 24. sept. 1938. a.

ворил, что буржуазная Эстония должна для сохранения заграничных рынков лучше использовать свои природные богатства, производить дешевле, строить новые промышленные предприятия. Высшее техническое учебное заведение должно было содействовать этому.[57]

Буржуазное правительство, создавая высшее техническое учебное заведение, надеялось также смягчить при помощи национальной технической интеллигенции классовые противоречия, подчинить рабочее движение своему влиянию. Напуганное ростом революционного движения оно надеялось, направляя национальные технические кадры в промышленность, в какой-то мере затормозить развертывание классовой борьбы.

При открытии института К. Пятс в своей речи поставил в качестве основной задачи перед студентами — воспитание рабочего класса в духе преданности буржуазному правительству. Ректор института на том же собрании заявил, что задача будущего инженера — предотвратить конфликт, который может возникнуть в связи с безработицей, и не дать ему «превратиться в нежелательную классовую борьбу».

Таким образом ставилась задача воспитывать в стенах создаваемого учебного заведения активных прислужников буржуазии. Среди трудящихся масс существовало большое стремление к приобретению технических знаний и буржуазия пыталась использовать это в своих классовых целях.

Значительный вклад в создание высшего технического учебного заведения внесло также Общество инженеров Эстонии, возникшее еще в 1921 году. Тогда в обществе было всего 34 члена, к 1931 году, через 10 лет, уже 170.[58] Это Общество принимало живое участие в работе Таллинского техникума, а после его ликвидации — в создании Таллинского технического института. Члены Общества часто выступали в печати в защиту технического образования в Эстонии.

По существу Общество инженеров возникло вместо прежнего технического, принимавшего участие в создании первых технических учебных заведений в Эстонии в 1917—1918 годах.

Вместе с Обществом большинство преподавателей и студентов в течение 20-х годов вели борьбу за сохранение Таллинского техникума и создание полного высшего технического учебного заведения в Эстонии.

Первым актом, подготовившим создание технического института, было создание осенью 1934 года технического факультета при Тартуском университете.[59] По постановлению

---

[57] «Päevaleht», nr. 102, 13. aprill 1938. a.
[58] «Kaja», nr. 69, 22. märts 1931. a.
[59] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 1, дело 4, лист 100.

правительства от 25 августа 1934 года первоначально создавался не факультет, а отделение при естественно-математическом факультете. С осени 1935 года отделение должно было быть перестроено в факультет. На техническом отделении подготовка инженеров должна была вестись по строительным и химическим специальностям. В сентябре на этом факультете занималось 177 студентов. Первыми преподавателями были: О. Мадиссон, Х. Перлиц, Я. Копвиллем и др. В основном студенты поступали на строительное отделение. Но уже к январю 1935 года значительная часть студентов вынуждена была из-за материальных трудностей покинуть учебу. Всего 104 студента оставили учебу в течение первых 4—5 месяцев.[60] Следует отметить, что когда из оставшихся 70 студентов около 50% весной 1935 года явилось на экзамен по физике, то проф. Вийлуп, как в своих воспоминаниях отмечает тов. Лауль, покачав головой, сказал: «Куда нам такое количество инженеров, разве мы будем строить новые большие города?». Профессор не видел возможности найти применение новым отрядам технической интеллигенции в буржуазной Эстонии.

Однако вопрос о создании высшего технического учебного заведения в Таллине продолжал оставаться на повестке дня. При определении местонахождения технического учебного заведения ярко проявились узкокорыстные классовые интересы буржуазии.

Против создания технического вуза в Таллине выступили в первую очередь тартуские домовладельцы. Они организовали кампанию против перевода технического факультета из Тарту в Таллин, собирали подписи, послали делегацию к главе государства. Их основным доводом было утверждение, что студентов становится в Тарту все время меньше, доходы домовладельцев снижаются, а с переводом факультета в Таллин, они упадут еще больше. В своем воззвании «ко всем домовладельцам» Общество тартуских домовладельцев писало, что они понесут десятки миллионов убытков, если факультет переведут в Таллин, что надо обращаться с соответствующей петицией к главе государства.[61] Владельцев поддержали торговцы и другие круги местной буржуазии.

В конечном итоге одержали победу сторонники Таллина, как главного экономического центра буржуазной Эстонии. К тому же правительство считало, что в Таллине легче будет насаждать среди студентов буржуазную идеологию.[62]

---

[60] «Postimees», nr. 16, 17. jaanuar 1935. a.

[61] «Postimees», nr. 71, 14. märts 1936. a. «Rahvaleht», nr. 32, 16. märts 1936. a.

[62] «Postimees», nr. 75, 18. märts 1936. a.

В апреле 1936 года был подписан правительственный указ о переводе технического факультета в Таллин. 26 июня того же года в печати был опубликован указ о создании Таллинского технического института с тремя отделениями: строительным, химическим и механическим. Ректором института был назначен проф. П. Когерман. Первыми преподавателями были О. Мадиссон, Л. Юргенсон, В. Паавель, О. Мартин, Э. Мальтенек, Р. Ливляндер, К. Трумм, И. Копвиллем, А. Партс, Э. Яксон, Ю. Нуут и А. Борквель.[63]

По правительственному постановлению от 25 июня 1936 года Таллинский технический институт учреждался с 1 июля 1936 года. Учебная работа должна была начаться с 15 сентября. Институт должен был разместиться в Копли в помещениях бывших кораблестроительных предприятий.

15 сентября после торжественного акта открылись двери аудиторий. Вновь принятых (на I курс) было 100 человек, 297 перешло из технического и других факультетов Тартуского университета, а также поступило из прежнего Таллинского техникума. Самыми большими были строительное и химическое отделение. К началу учебного года на строительном было 168, на химическом — 152 студента. В штатах института числилось 14 профессоров, 6 доцентов и 6 преподавателей. Организовывалось 15 лабораторий.[64]

В дальнейшем структура института несколько изменилась. С осени 1937 года в институте создавалось два факультета: строительно-механический и горно-химический. На каждом факультете по два отделения. Однако горное отделение горно-химического факультета начало работу только через год.

С 1938 года институт был переименован в Таллинский технический университет.[65]

Положение с учебной базой, с оборудованием лабораторий было очень тяжелое. Из 15 лабораторий к началу учебного года было оснащено только три — сопротивления материалов, теплотехники и геодезии. Все другие лаборатории строительного факультета начали работу среди голых стен. Несколько лучше было положение на химическом отделении. Здесь лаборатории были созданы ко второму семестру. Но и в имеющихся лабораториях оборудование частично было устарелым. Так в отчете о работе теплоэнергетической лаборатории за первый учебный год отмечалось: «в течение всего учебного

---

[63] Teataja, nr. 73, 26. juuni 1936. a. «Uus Eesti», nr. 174, 1. juuli 1936. a. «Päevaleht», nr. 176, 3. juuli 1936. a.

[64] Eesti Vabariigi Tallinna Tehnikaülikooli aastaraamat I, 1939. aasta, lk. 53—84.

[65] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 81, лист 93.

года большую часть сил потратили на пополнение и оборудование лаборатории, поскольку она в течение 4—5 лет, являясь частью прежнего техникума, из-за отсутствия необходимого кредита вообще не развивалась». Геодезическая лаборатория до осени 1937 года находилась во временных помещениях.

Не было еще четко налаженного учебного процесса. На некоторых занятиях строительного факультета присутствовало по два студента.[66] Студенты столкнулись с различными трудностями с самого начала учебы, и уже к концу первого, осеннего семестра 1936 года значительная часть вынуждена была прекратить занятия. На 1 июля 1937 года числилось 389 студентов, из них только 14 девушек. Студенты распределялись по отделениям следующим образом: на строительном — 195, на механическом — 73 и на химическом — 121.

Данные о количестве студентов по семестрам приведены в таблице (см. таблицу 2).[67]

Таблица 2

	1936	1937		1938		1939		1940
	осенний семестр	весенний семестр	осенний семестр	весенний семестр	осенний семестр	весенний семестр	осенний семестр	весенний семестр
В списках числилось в течение семестра студентов	456	437	557	540	648	561	628	558
Эксматрикулировалось	79	48	71	65	132	77	132	57
То же в %%	17,3	11	12,7	12	23	13,7	21	10
Осталось на конец семестра	377	389	486	475	516	484	496	501

Таким образом количество студентов все время колебалось в пределах 450—500 человек. При этом за последние два учебных года ежегодно эксматрикулировалось около 200 студентов. В то же время оканчивающих институт было считанные единицы. В первом учебном году окончило институт 4 человека, во втором ни одного, в третьем — 9 человек.[68]

Основной причиной большого отсева студентов было их чрезвычайно тяжелое экономическое положение. Несмотря на

---

[66] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 81, лист 9, 13.
[67] Там же, лист 148; дело 143, лист 113; дело 7, лист 137, 138, 139.
[68] Там же, лист 190 и дело 143, лист 115.

некоторый рост промышленного производства и количества занятых рабочих, положение трудящихся не улучшалось. Буржуазия всячески усиливала эксплуатацию трудящихся. Стоимость жизни из года в год росла. Если в 1936 году она равнялась приблизительно уровню 1913 года, то в 1937 году стоимость жизни согласно данных буржуазной статистики была выше на 4%, в 1938 году — уже на 10%, в 1939 — на 13%. В особенности вздорожала квартплата. Она на 44% была выше, чем в 1913 году. Одежда была на 48% дороже.[69]

Предприниматели стали широко эксплуатировать труд учеников на производстве, причем многих брали только на 3 месяца, после чего увольняли. Как указывал один из делегатов первой Таллинской городской партконференции, рабочий день при срочных заказах доходил до 10 часов, причем нередко сверхурочные не оплачивались.[70]

Все это отражалось на положении студентов. Об общежитиях не было и речи — 56% студентов жило на частных квартирах, 44% у родственников или знакомых. Платили студенты за снимаемые комнаты в среднем 13,6 крон в месяц. Значительная часть студенчества должна была постоянно работать, чтобы как-нибудь просуществовать. «Обыкновенное явление», — писал в 1939 году в одном из своих отчетов начальник военного обучения — «что студент один семестр учится, на втором эксматрикулируется и на третьем опять учится».[71]

Один из студентов ТПИ — Ю. Киппер писал в 1940 году — «Хотя я всегда с большим интересом занимался, я никогда не был по успеваемости среди первых, что объясняется только крайне тяжелым экономическим положением, недоеданием и т. д.».[72]

Ко всему этому следует добавить, что буржуазия стремилась взвалить значительную часть материальных расходов института на самих студентов. Об этом говорила в первую очередь непомерно высокая плата за обучение — 150 крон в год. Кроме того по узаконенному положению требовалось платить за поступление в институт — 10 крон, за каждый экзамен по 1,5 кроны, за практикумы до 10 крон за каждый отдельный практикум, за временные справки об окончании института — 1 крону, за другие справки от 10 до 50 сентов.[73] Требовалось

---

[69] «Eesti Statistika» 1939. a. Tallinn, 1939, lk. 114, 598.

[70] Архив института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, оп. 1—1, ед. хр. 24, лист 30.

[71] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 12, лист 154.

[72] Архив института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 31, оп. 8, дело 1060, лист 3.

[73] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 143, лист 34.

также платить за химикалии для практикумов. Крайне тяжелым было положение с учебниками. По большинству предметов их вообще не было. Имевшиеся были очень дорогими. В основном приходилось изучать предмет по записанным лекциям.

В бюджете института важнейшей статьей доходов была учебная плата и доходы от химического склада (продажа химикалиев студентам и преподавателям). Эти статьи дохода в 1937/38 годах составляли общую сумму в 60 000 крон. (Чистый доход института был равен 116 000 кронам). В 1938/39 году эта сумма возросла до 79 000, в 1939/40 — до 118 000 крон.[74] В среднем, каждый студент, кроме платы за обучение, платил в год более 20 крон за различные виды учебы (экзамены и т. д.). В 1939 году эти виды доходов покрывали 22% всех расходов института. В то же время на нужды студенчества выделялись крайне незначительные средства. В указе от 25 июня 1936 года об учреждении Таллинского технического университета говорилось, что только 5% из учебной платы может быть использовано на экономические и культурные нужды студентов. А по § 92 указа о высших учебных заведениях от платы за обучение могли освобождаться лишь 15% студентов. На стипендии студентам институт расходовал всего около 2 000 крон в год. Всем этим в первую очередь объясняется большой отсев студентов. Только осенью 1939 года правление института исключило из списка студентов 80 человек, не внесших в срок плату за обучение.

Многие студенты, вообще не рассчитывая в этих условиях получить освобождение от платы за обучение, не ходатайствовали даже об этом. Многие из тех, кто просил освобождения от платы, получили отрицательный ответ. В весеннем семестре 1940 года обратилось с просьбой об освобождении от платы за обучение 129 студентов. Было же освобождено лишь 66, т. е. 50%[75]. Причем многие освобождались только частично. Так, в весеннем семестре 1938 года всего было освобождено от платы за обучение 59 человек, из них 40 лишь на половину платы. В то же время в весеннем семестре 1938 года числилось в институте 540 студентов. Следовательно, от платы за обучение было освобождено не 15%, как предусматривалось законом, а лишь около 7% студентов.

Буржуазное правительство в то же время освобождало от платы за обучение участников гражданской войны, воевавших в рядах белоэстонских войск, и детей награжденных в этой войне. Как показывают данные, эти «герои», получив освобо-

---

[74] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 7, лист 401; дело 81, лист 184.
[75] Там же, оп. 3, дело 56, лист 131, 135, 169, 172.

ждение от платы за обучение, и не думали учиться. Один из них, некий Киндорв за три семестра не сдал ни одного экзамена, ни одной практической работы, другой — Ристлаан за целый учебный год сдал всего два экзамена. А их из семестра в семестр освобождали от учебной платы и от других платежей.[76]

Некоторым студентам выдавались стипендии. Но количество их было чрезвычайно малым. В 1936/37 учебном году стипендии получили только 7 студентов. Один из них — 60 крон в семестр, двое — по сорок и четыре — по 50 крон. Осенью 1939 года стипендии получил всего 21 студент.[77]

В ходе учебного процесса не предусматривалось ни ознакомление с предприятиями, ни организация экскурсий. Осенью 1939 года группа студентов обратилась с просьбой в ректорат — организовать экскурсию с учебными целями на радиостанцию в Тюри. По предварительному подсчету эта экскурсия стоила бы институту 54 кроны. На этом заявлении бухгалтерия поставила резолюцию: «Для этого нет законных оснований!».[78]

Важнейшей составной частью работы высшего учебного заведения является научная работа. Но должных условий для ведения научно-исследовательской работы в институте не было в связи со слабостью лабораторной базы. В 1937 году в лабораториях разрабатывалось 32 проблемы. За год работа над 14 из них была завершена. В течение первого учебного года опубликованных научных работ было всего 4. Причем одна из них — проф. Ливляндера весьма неглубокого научного характера. Работа была выполнена на тему: «Определение астрономического азимута по карманным часам».[79]

Буржузное государство не создавало условий для научной работы рядовым преподавателям, в особенности младшему учебному персоналу. В изданном Министерством просвещения постановлении о назначении и обязанностях ассистентов (постановление исходило из указа об университетах 1938 года, § 72-го) было сказано: «ассистенты могут проводить научные исследования по своей инициативе и использовать в этом случае с разрешения учреждения оборудование этого учреждения (приборы в лабораториях, библиотеку и т. д.) и фактические данные».[80] Итак, чтобы использовать лаборатории, преподаватель должен был еще получить для своей работы разрешение от ректора. Нельзя забывать, что материалы, химикалии и т. д.

---

[76] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 68, лист 1, 22, 35, 37, 40.
[77] Там же, дело 67, лист 5, 11, 39, 40.
[78] Там же, дело 143, лист 50.
[79] Там же, фонд 1837, оп. 2, дело 81, лист 5.
[80] Там же, дело 66, лист 72.

для проведения опытов преподаватель должен был покупать на свои средства. Вот почему в основном научную работу вели лишь руководители лабораторий, профессора.

С 1936 по сентябрь 1939 года в научных записках Таллинского технического университета было всего опубликовано 10 научных работ. Авторами этих работ были профессора О. Мадиссон, Ю. Нуут, Л. Юргенсон. На строительно-механическом факультете за 1939—40 год было опубликовано 4 работы. На горно-химическом факультете вел большую научную работу П. Когерман. Здесь была защищена весной 1939 года первая работа, на основании которой ее автору была присвоена степень магистра. Тема этой работы была: «Калориметрические опыты с гидролизом целлюлозы под действием концентрированной соляной кислоты при температуре 0°С». Автором работы был Э. Раннак. Всего за годы буржуазной власти в институте было защищено 6 работ на степень магистра.[81]

Основными проблемами, над которыми работали ученые института, были следующие: исследования свойств портландцемента, исследования свойств бетона и путей повышения его качества, вопросы типов кирпичных стен, деревянных конструкций и проблемы теплоизоляции жилых помещений; проблемы исследования сланца, как сырья для химической промышленности, в частности для получения топливных масел, заменителей керосина, пропитывающих масел и т. д.

В ряде случаев большим успехом пользовались на выставках экспонаты, выполненные преподавателями института. Так на выставке в Тарту в августе 1939 года особый интерес вызвали экспонаты строительной лаборатории. Здесь были показаны различные типы наружных стен жилых домов, их теплопроводность и экономичность.[82] Большую работу проводила Государственная испытательная палата, во главе которой стоял профессор Мадиссон.

Профессорский состав института стал основным ядром созданного в 1937—38 годах Института природных богатств (Лоодусвараде Институт). Во главе этого института стал ректор Таллинского технического университета П. Когерман. В совет вошли профессора ТТУ Л. Юргенсон, О. Мадиссон, И. Карк, И. Копвиллем.[83] К весне 1938 года был завершен организационный период и Институт природных богатств стал развертывать свою работу. Было создано 10 секций. Одной из важнейших стала секция сланца. Кроме того были созданы секции строительных материалов, технологии органической

---

[81] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 81, лист 171, 240, 317, 362, 365, 366.
[82] «Postimees», nr. 227, 25. august 1939. a.
[83] «Uus Eesti», nr. 306, 10. november 1937. a.

химии, технологии неорганической химии и т. д. Всего в институте к концу 1938 года разрабатывалось 49 тем. Представители института принимали участие в созданном в Таллине комитете по рационализации (в промышленности).[84]

Говоря о научных работниках Таллинского технического университета, следует отметить их растущий интерес к достижениям советских ученых, советской науки. Особенно ценил их профессор Ю. Нуут, который с целью ознакомления с достижениями советской науки и техники собирался посетить Ленинград и Москву. Ю. Нуут считал необходимым для института ознакомление с постановкой высшего технического образования в СССР. Он писал в своем заявлении ректору: «Учитывая большой размах индустриализации России за последние 10 лет, предполагаю, что в постановке технического образования там стремились найти новые пути».[85]

Доцент Е. Кикерпиль в своих воспоминаниях указывает, что несмотря на попытки изолировать институт, и в частности студентов от достижений науки в СССР, уже с 1936 года лаборатория дорог приобрела советские учебники, начала выписывать некоторые научные советские журналы. В последующие годы была налажена связь вышеназванной лаборатории с институтами железнодорожного транспорта в Ленинграде и Москве. Также некоторые другие лаборатории строительного факультета последовали примеру лаборатории дорог. И это в условиях, когда советскую техническую литературу в официальных кругах считали коммунистической пропагандой.

Следует отметить, что ученые института, занимавшиеся серьезными и глубокими научными проблемами в период буржуазного господства, нашли должную оценку в Советской Эстонии. Наиболее плодотворными учеными были профессора Ю. Нуут, О. Мадиссон, Л. Юргенсон, П. Когерман. Все они стали академиками. В том числе Ю. Нуут был избран ученым секретарем отраслевых АН ЭССР, Л. Юргенсон и О. Мадиссон членами-корреспондентами отраслевых АН СССР.

Касаясь научно-исследовательской работы преподавателей Таллинского политехнического университета, следует также отметить особый интерес в правящих кругах Англии и Германии к проблемам использования горючих сланцев Эстонии. Лекцию о природных богатствах Эстонии, прочитанную П. Когерманом в 1938 году в Берлине, слушали высшие представители немецкого военного командования, Министерства иност-

---

[84] «Päevaleht», nr. 120, 4. mai 1938. a. ja nr. 321, 26. nov. 1938. a.
[85] ЦГАОР, ф. 1837, оп. 4, дело 69, лист 39.

ранных дел и экономики.[86] В связи с разработкой планов по захвату Прибалтики, подготовкой войны против СССР, руководители фашистской Германии особо интересовались природными богатствами Эстонии. Правящая же фашистская клика буржуазной Эстонии превратила в этот период свою страну в поставщика стратегического сырья и полуфабрикатов (в первую очередь сланце-химической промышленности) для гитлеровской Германии.

Буржуазное правительство, создавая институт, рассчитывало подготовить в его стенах угодные для себя кадры. Поэтому фашистское правительство Пятса-Лайдонера стремилось милитаризовать институт, насаждать среди студентов буржуазно-националистическую идеологию, поощряло и поддерживало здесь различные реакционные, шовинистические, церковные и другие им подобные организации.

Уже поступление на работу в Таллинский технический университет было связано с принесением клятвы на верность буржуазному правительству. Причем, от клятвы и соответствующего письменного обязательства не освобождались ни профессора, ни уборщицы.[87] В 1938 году, на основании правительственного указа, были введены изменения в условиях приема, ставящие препятствия для поступления в институт молодежи не эстонской национальности.[88]

Совет института не признавал дипломы об окончании частных политехнических курсов в Таллине, на которых занятия велись на русском языке.

Видную роль в воспитании студенчества в духе буржуазной идеологии играли теории об исключительной роли техники, технической интеллигенции в обществе, теории технократии. О них на открытии института 15 сентября 1936 года говорили К. Пятс, П. Когерман. Этому вопросу, в частности, была посвящена статья проф. О. Мадиссона в научных записках института (Серия Б, № 3, за июнь 1939 г.) под заглавием «Сущность и задачи техники». Техническая интеллигенция призывалась к защите основ капиталистического общества. В этой статье говорилось о некоторых противоречиях капиталистического общества. Проф. О. Мадиссоном осуждалась анархия производства, подчинение общественной жизни частному капиталу, наживе. Указывалось, что необходимо плановое хозяйство. Но в качестве примера организаторов перехода к более высокому общественному укладу, приводился никто иной как Генри Форд, Вернер Сименс и другие извест-

---

[86] «Uus Eesti», nr. 173, 29. juuni 1938. a.
[87] ЦГАОР, ф. 1837, оп. 3, дело 8, лист 82—83.
[88] «Päevaleht», nr. 101, 12. aprillil 1938. a.

ные магнаты финансового капитала в США и фашистской Германии. Не видя реальных перспектив, проф. О. Мадиссон главным и единственным требованием выдвигал необходимость выделения в Государственном собрании места для технической интеллигенции.

Руководство института поддерживало представителей международных реакционных организаций, в частности Христианский союз молодежи. Ректор института являлся председателем союза этих организаций в Эстонии.[89] Когда в Таллин в начале мая 1937 года прибыл известный немецкий ученый физик М. Планк, то основной темой его выступления не были вопросы современных достижений науки. Принимало же его руководство института.[90]

Ректор Института П. Когерман являлся членом комиссии Государственного собрания по трудовым конфликтам. В 1938 году при обсуждении требований рабочих Кренгольма он не только не поддержал их, а, наоборот, отверг уже достигнутые соглашения. После обсуждения требований рабочих Кренгольма указанная комиссия, под руководством П. Когермана, решила снизить надбавку к зарплате для мужчин с 8% до 6%, для женщин с 5% до 3%. Следует отметить, что зарплата кренгольмских рабочих была в то время одной из самых низких в Эстонии.[91]

В стенах учебного заведения делалось все, чтобы из студентов подготовить верных буржуазному правительству офицеров. Но уже при введении военного обучения ректору пришлось предупредить около сотни студентов, не выполнивших требований представителей института военного обучения.[92]

Реакционная политика правительства Пятса проявлялась в жизни института на каждом шагу. Для поступления на работу — требовалось вступление в Кайтселийт — военно-фашистскую организацию.[93]

Наряду с этим, по закону об университетах, корпорации и другие студенческие организации ставились под непосредственный контроль властей. Выходившая в Осло газета «Рахва Хяяль»* так характеризовала этот закон: «Просто трудно понять, что в государстве, которое себя рекламирует как «демократическое», отнимаются от студентов самые элементарные

---

[89] «Esmaspäev», nr. 18, 2. mail 1938. a.

[90] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 81, лист 177, 179.

[91] «Postimees», nr. 88, 30. mail 1938. a.

[92] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 118, лист 24.

[93] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 910, оп. 1, дело 6, лист 25.

* Находясь в условиях глубокого подполья, Компартия Эстонии в тот период вынуждена была печатать газету «Рахва Хяяль» за границей.

права на самоорганизацию и их ставят под команду чиновников».

Газета сообщала, что фашизация высшей школы в Эстонии вызвала протесты в международном демократическом движении. «Эстонскую высшую школу уже начинают сравнивать с усмиренной Гитлером высшей школой».[94]

Об этом же говорилось в финской печати. Газета «Суомен Социалдемократти» писала, что «внутриполитическое положение в Эстонии изо дня в день становится все более националистическим... правительство стремится проводить фашистские мероприятия... работу с молодежью полностью милитаризовали». В другом номере газеты подчеркивалось, что «приход господина Пятса к власти является нарушением конституции Эстонии».[95]

Эту же линию на фашизацию страны, на полное уничтожение демократических свобод, в частности, в жизни высшей школы, вынуждены были отметить бывшие до Пятса главы государства в своем секретном послании Пятсу 30 апреля 1936 года. В нем писалось: «Мало того, что у нас уже три года отсутствует свобода слова, собраний и организаций, являющиеся существенными для базирующегося на законности государства и необходимые для политического воспитания народа, для укрепления связей его населения с судьбой государства: не имеется даже намеков, что в этом отношении ожидается какое-либо улучшение... Интеллигентные круги Эстонии, которые вынесли на себе создание и организацию государства, обеспокоены падением правопорядка и законности...

Шаги правительства по отношению к университету и учащимся создали возбужденное настроение среди академической молодежи, что наносит излишний ущерб государству. Возбуждение возникло и среди рабочих в связи с нарушением нормальной деятельности профсоюзов и заменой их аппаратом, назначаемым правительством».[96]

Конечно, такое послание буржуазных деятелей преследовало цель предупредить правящую верхушку о нарастающих революционных настроениях среди широких масс, а также выторговать себе теплые местечки при фашистской клике. Вместе с тем в этом послании проскальзывает признание уничтожения последних остатков буржуазной демократии, что отразилось и в жизни высших учебных заведений. Фактически даже из старых корпораций в Таллинском техническом уни-

---

[94] «Rahva Hääl», nr. 1, 25. mail 1937. a.
[95] «Suomen Sotsialdemokratti», 5. XI 1936.
[96] ЦГАОР, фонд 949, оп. 1, дело 116, лист 188, 189.

верситете к осени 1938 года осталось только две, остальные были закрыты.[97]

В условиях буржуазно-фашистского строя не было места для подлинной общественной работы студентов. Не проявлялось серьезной заботы о привлечении студенчества к науке. Единственное, что здесь практиковалось — это т. н. ежегодные премиальные работы. Из студентов, отмеченных премией, следует назвать Х. Лауля (в настоящее время доктор технических наук, профессор), В. Полонского (ныне директор научно-исследовательского института строительных материалов) и И. Хинта (главный автор новых силикальцитных строительных материалов, доктор технических наук, известный не только в СССР, но и за его пределами).[98]

Университетской студенческой организации приходилось заниматься в этих условиях налаживанием работы студенческой столовой, в которой кормили все хуже и дороже; приходилось просить у ректора выделения помещения для самостоятельной работы студентов хотя бы на время экзаменов.

В 1939 году студенты организовали больничную кассу. Необходимость ее была вызвана отсутствием контроля за состоянием здоровья студентов. Студенты не имели также возможности пользоваться льготами для получения врачебной помощи, хотя потребность в ней несомненно имелась.[99]

Мизерные суммы, выделяемые на культурную работу, не давали возможности ее развернуть. В корпорациях же больше заботились о почитании и обслуживании т. н. филистров, организации попоек и участия в деятельности Кайтселийта.

За 1938 год культкомиссия студенческой университетской организации в своем годовом отчете могла сообщить только следующее: было проведено два мероприятия — вечер с рефератом и участие руководителя культкомиссии в работе совета недели книги. И это все за год в вузе.[100] Единственное, что поощрялось (входило в программу работы военного обучения в институте при ТТУ) — это некоторые виды спорта.

Занимался со студентами, в основном баскетболом, один из лучших спортсменов Эстонии А. Колмпере. Ежегодно проводились соревнования по этому виду спорта между корпорациями. Студенты института занимали первые места в командных соревнованиях в Таллине (на приз Балтийской мануфактуры), а также принимали участие в соревновниях со спортсменами Тартуского университета.

---

[97] «Tallinna Post», nr. 37, 16. sept. 1938. a.
[98] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 73, лист 81.
[99] «Päevaleht», nr. 37, 6. veebr. 1939. a.
[100] ЦГАОР, фонд 2037, оп. 1, дело 8, лист 113.

Относительно реже и с меньшим числом участников проходили соревнования по легкой атлетике. Так, в соревнованиях на первенство Таллинского технического университета участвовало в 1938 году всего 65 студентов.[101]

Лучших результатов достигли стрелки. Они завоевали призовые места в корреспондентских соревнованиях между Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией в 1938 году. В августе 1938 года на международных соревнованиях в Будапеште эстонские студенты завоевали два первых места, 3 вторых и одно третье. Студент института О. Леллеп получил золотую медаль по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Он выбил 397 очков.

Еще более выдающихся успехов добились студенты на мировых студенческих играх в Монако в августе 1939 года. Здесь, в командном первенстве победу завоевали студенты Эстонии, в том числе студенты ТТУ — Э. Поола, О. Леллеп, третьим был студент Тартуского университета Таммлехт. Результат команды — 1 174 очка. В индивидуальных соревнованиях на первом месте был Э. Поола — 397 очков и на втором О. Леллеп — 395 очков. В командных соревнованиях на второе место вышла команда Франции с 1 171 очком. Третьим студентом из Таллинского технического университета на этих соревнованиях был В. Терасе. Его результат — 389 очков — 5-е место.[102]

Дальнейшая фашизация Эстонии вела к ликвидации последних буржуазно-демократических свобод. В том же 1939 году были закрыты сотни различных общественных организаций. Только по списку от 15 сентября 1939 года закрывалось 404 различные организации, в том числе Таллинское общество инженеров, касса взаимопомощи Таллинских студентов, четыре студенческие организации и т. д.[103]

Все это, наряду с растущей борьбой широких народных масс против фашизма, неизбежно вызывало протест студенчества против существующего буржуазного строя. Так, например, были измазаны дегтем окна корпорации «Пыхьяла», за то, что она поддерживала реакционные законы правительства об университетах.[104] Руководство реакционной корпорации «Эстонский студенческий союз» вынуждено было признать в 1938 году, что у членов общества «пропал контакт с молодым поколением студенчества». Характерно, что в самой

---

[101] Там же, лист 114, 115, 117, 139.

[102] «Päevaleht», 24. aug. 1938, nr. 216, 25. aug. 1939, «Uus Eesti», nr. 229, 25. aug. 1939. a.

[103] ЦГАОР, фонд 14, оп. 2, дело 750, лист 1, 2, 3, 5.

[104] Там же, фонд 929, оп. 1, дело 116, лист 192.

корпорации весной 1940 года обсуждался лишь вопрос о членских взносах. Других вопросов не поднималось.[105]

Рост оппозиционных настроений студенчества усилился в особенности осенью 1939 и весной 1940 года. Политическая полиция все чаще стала интересоваться настроениями студентов. Своим агентам она чаще давала задание проверить их политические взгляды. Характерным было вынужденное признание одного агента в том, что среди студентов «особой приверженности к существующему строю не наблюдается».[106]

Говоря о политических настроениях студентов, следует конечно иметь в виду, что часть из них, происходивших из буржуазных семей, являлись ярыми сторонниками капиталистического строя.

Но наряду с этим, наличие значительного числа студентов из семей трудящихся, положение которых могло коренным образом улучшиться лишь с восстановлением советского строя в Эстонии, создавало благоприятные предпосылки для распространения среди них революционных, коммунистических взглядов.

Если при создании Таллинского технического института правительство надеялось не допускать в его стенах распространения революционных идей, то, несмотря на мероприятия властей, с 1936 года, т. е. с года основания института количество сторонников социалистических взглядов среди студенчества неизменно возрастало. Решающее влияние на распространение революционных взглядов в институте оказала Коммунистическая партия Эстонии, находившаяся в подполье и поддерживавшая связь со студентами.

Одним из первых студентов, имевших связь с коммунистической организацией, был Виктор Суллинг, учившийся в институте с 1936 по 1938 год. Он оказал большое влияние на многих студентов института, через него была налажена связь с рабочими, в частности с молодыми рабочими Копли. В 1938 году некоторые студенты института приняли участие в избирательной кампании, агитируя в районе Копли за кандидата, поддержанного КП Эстонии. В частности, большую работу проводил И. Степанов, студент горно-химического факультета, также имевший связи с подпольной партийной организацией.

В листовке от февраля 1938 года «За кого голосовать?» ЦК КП Эстонии писал: «Коммунистическая партия призы-

---

[105] ЦГАОР, фонд 2025, оп. 1, дело 5, лист 6, 7, 17, 18.
[106] Там же, фонд 949, оп. 1, дело 141, лист 109-а, 480, 485.

вает народ на выборах Государственного собрания 24 и 25 февраля голосовать за тех выдвинутых народом кандидатов, кто выступает против фашизма, кто борется за свободу, мир и улучшение благосостояния народа...

Отдайте свои голоса за следующих кандидатов, выдвинутых народом».[107] Таким кандидатом в Копли был Нееме Руус (4-й избирательный округ). Как сообщали агенты политической полиции, здесь была развернута широкая агитационная кампания в пользу Н. Рууса. Поддержавшие Н. Рууса активисты выступали против представителя правящей фашистской верхушки из партии Исамаалийт. Они ходили из квартиры в квартиру и призывали народ отдать голоса за представителей трудящихся. Охранка сообщала о широком распространении в народе мнения, что кандидаты правящей верхушки Пятса — «все чиновники, от которых не приходится ждать самостоятельной политической мысли и действия, выбор этих кандидатов не даст положительных результатов для будущей жизни государства».

В результате голосования по 4 избирательному округу в Государственное собрание был избран Нееме Руус. Он получил в полтора раза больше голосов, чем конкурировавший с ним представитель Исамаалийта.[108]

В этот период несколько студентов горно-химического факультета участвовало в работе культурно-просветительного общества «Огонек», которое было закрыто правительством в апреле 1938 года. Комиссар политической полиции гор. Таллина писал, что «Огонек» закрывается, так как «распространяет и углубляет среди своих членов антигосударственные коммунистические настроения».[109]

Большое значение в распространении революционных идей в ТТУ имела связь студентов И. Степанова и С. Йыука с обществом «Идея».

Членами общества «Идея» были: И. Лауристин, О. Лауристин, сестры Тельман и многие другие члены КП Эстонии, вышедшие из тюрьмы в 1938 году. Во главе общества стояли А. Абен и Н. Руус.

Давая характеристику этой организации, Н. Руус в своем выступлении 28 VI 1940 года говорил: «Общества, которые развивали с Советским Союзом дружественные отношения и приобретали для своих библиотек литературу из Советского Союза, закрывались... В Таллине было закрыто культурное

---

[107] ЦГАОР, фонд 949, оп. 1, дело 117, лист 50.
[108] Там же, дело 38, лист 212, 359, 369, 449, 851, 853.
[109] Там же, дело 127, лист 505.

общество «Идея», которое знакомило трудящихся с достижениями культуры Советского Союза».[110]

К марту 1940 года это общество объединяло более 200 человек. В 1939 году было создано Коплиское отделение общества, с которым и поддерживали связь студенты ТТУ. В Коплиском отделении принимало участие в работе 21 человек.

Общество проводило большую работу в массах. На его вечерах выступали Н. Руус, И. Варес-Барбарус и многие другие деятели антифашистского революционного движения. Организовывались боевые выступления активистов на собраниях Христианского союза молодежи, где разоблачалась реакционная роль религии и пропагандировались прогрессивные, революционные идеи советской литературы и искусства. На отдельных таких вечерах выступали и некоторые студенты института.

20 марта 1940 года Общество было закрыто буржуазными властями. В связи с его закрытием политический комиссар города Таллина писал, что «общество («Идея» — В. А.) по своему существу являлось ширмой для политической организаций, преследующей марксистские цели».[111]

Тридцатые годы — это годы борьбы против фашизма во всем мире, в особенности против агрессивных авантюристических устремлений германского империализма, его попыток завоевать новые страны. Одним из наиболее важных участков фронта борьбы с фашизмом в тот период была Испания. Тысячи добровольцев, лучших сынов трудового народа из всех стран поехали в Испанию, чтобы защитить свободу и демократию от фашизма.

Организовала посылку добровольцев в Испанию также Компартия Эстонии. В Таллине большую соответствующую работу проводил Д. Кузьмин.

Десятки людей из Эстонии направились на помощь законному демократическому правительству Испании и для борьбы с немецкими и итальянскими интервентами.

Когда технический и химический факультеты из Тартуского университета переводились в Таллин, то собирался начать учебу в Таллине на химическом факультете и студент Борис Константюк. Однако он решил иначе и направился в Испанию вместе с другими товарищами из Эстонии.

В Испании Б. Константюк был рядовым 2 батальона 13 бригады. Его бригада участвовала в боях на Сарагасском, Теруэльском и Арагонском фронтах. В боях за свободную и

---

[110] 1940. a. Sotsialistlik revolutsioon Eestis. Tallinn, 1960, lk. 108.

[111] ЦГАОР, ф. 949, оп. 1, дело 128, лист 263; дело 136, лист 178, 179, 195, 197, 216, 254, дело 136, лист 179.

демократическую Испанию, против фашизма Б. Константюк отдал свою жизнь.[112]

Из студенческих организаций института, в которых революционные взгляды были более широко распространены, следует отметить организацию русских студентов «Россика». В эту организацию входил И. Степанов, имевший связь с КП Эстонии через рабочих завода Ф. Крулль. В конце 1939 года эта организация стала выписывать советскую периодическую литературу — «Правда», «Знание — сила».[113] Члены этой организации 30 апреля 1940 года отмечали революционный праздник 1 Мая вместе с другими представителями демократического и революционного движения в Эстонии, хотя агенты политической полиции вели за ними слежку. Группа членов этой организации, скрывшись от следивших за ними агентов полиции, направилась к советским военным кораблям, стоявшим в районе Беккера, и на рассвете 1 мая приветствовали дежурных матросов Краснознаменного Балтийского Флота.

Так, вопреки всем преградам, полицейским преследованиям, тлетворному влиянию буржуазной идеологии, росло сопротивление буржуазному строю не только в рядах рабочих и беднейших крестьянских масс, но и среди интеллигенции, среди студенчества.

* * *

Рост промышленного производства после кризиса 1929—1933 годов был связан с некоторым ростом технической оснащенности промышленности. В 1936—1939 годах возникли новые, технически лучше оборудованные промышленные предприятия. Увеличилось производство электроэнергии, возросло количество технического персонала промышленных предприятий. Эстонская буржуазная печать и буржуазное правительство пытались представить экономическое положение страны в исключительно розовом свете, заверяя, что все беды, связанные с экономическим кризисом, больше не повторятся.[114]

В. И. Ленин указывал, что прогресс техники «приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих», а отсюда «спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации». Поэтому усовершенствование техники «обусловливает собой в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстоя-

---

[112] ЦГАОР, фонд 949, оп. 1, дело 133, стр. 541, дело 131, лист 350—353, 389, 394.

[113] ЦГАОР, фонд 2038, оп. 1, дело 1, лист 4, 6.

[114] «Uus Eesti», nr. 13, 15. mai 1939. a.

ния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких трудящихся масс».[115] Все эти процессы имели место в буржуазной Эстонии. В конце тридцатых годов произошло дальнейшее вздорожание жизни, возросло количество безработных, снизился уровень промышленного производства. Характерны в этом отношении данные Общества безработной интеллигенции. В апреле 1940 года общество после большого перерыва вынуждено было возобновить свою работу, поскольку безработица опять резко затронула интеллигенцию. Многие специалисты с высшим образованием оказались не у дел, не могли найти применения своим знаниям. В июне 1940 года зарегистрированных Обществом безработных интеллигентов было 137.[116] Из заявлений безработных следовало, что многие из них уже в течение нескольких лет не имели постоянного места работы.

В то же время оставалось чрезвычайно тяжелым и положение с народным образованием. Представители органов просвещения Альттоа и Рауд вынуждены были об этом открыто сказать в 1938 году на собрании, посвященном «Дню учителя» уезда Харьюмаа. Они приводили данные по Эстонии, из которых явствовало, что начальные школы заканчивало только около 50% из поступивших учиться, что в государстве 40% школьных зданий непригодны ни с точки зрения здоровья школьников, ни их воспитания. Не хватало школ, не было многих учебников.[117]

В середине тридцатых годов проведенная школьная реформа в еще большей степени сделала недоступным для широких трудящихся масс приобретение среднего образования. По расчетам буржуазного правительства было бы достаточно, если бы в гимназии поступало всего 1 000 человек в год.

Высокая плата за обучение делала среднюю школу для молодежи из семей трудящихся почти недоступной.

Характерным документом, освещающим незавидное положение с постановкой высшего образования и подготовкой специалистов с высшей квалификацией в последний период буржуазной власти явился меморандум, составленный ректором Таллинского технического университета Ю. Нуутом Министерству просвещения буржуазной Эстонии 18 мая 1940 года. Меморандум касался вопроса нового приема студентов осенью 1940 года. Министерство предложило ТТУ рассмотреть во-

---

[115] В. И. Ленин. Соч., том 24, стр. 429, 430 (IV издание).

[116] ЦГАОР, фонд 3210, оп. 1, дело 4, лист 1; дело 6, лист 160; дело 7, лист 1—137.

[117] «Uudisleht», nr. 148, 19. sept. 1938. a.

прос о приеме на I курс — 200 новых студентов, вместо 100 ранее принимаемых. В своем ответе Ю. Нуут писал «... Увеличение числа вновь поступающих увеличит в будущем количество оканчивающих. Частично это количество можно регулировать путем экзаменационных оценок. Если при существующем числе поступающих и настоящем положении можно считать, что в год регулярно будет оканчивать 25—30 человек..., то при поступлении 200 новых студентов количество оканчивающих в будущем может подняться до 50—60 или еще больше.

Крайне необходимо уже сейчас подумать о трудоустройстве оканчивающих университет. Если окажется возможным, то с индустриализацией Эстонской республики потребность в молодых инженерах увеличится, но тогда уже сейчас необходимо принять решительные меры для подготовительных работ в этом направлении.

При сохранении настоящего положения, когда, например, в текущем году в Эстонии имеются безработные инженеры-строители, при выпуске 60 новых инженеров в год, без физической возможности их использования на творческой работе, имеется основание бояться потрясений и возникновения опасных настроений среди потерявших надежды молодых людей, имеющих дипломы».

Ю. Нуут писал далее, что необходимо планомерное руководство промышленностью и строительством. В противном случае институт ожидает «директивных указаний для регулирования количества оканчивающих Таллинский университет в желаемом направлении», т. е. в том отношении, сколько людей можно выпустить, и сколько Министерство потребует провалить на экзаменах.[118]

Этот документ чрезвычайно характерен для весны 1940 года. Он констатирует тяжелое положение безработных инженеров, рост революционных настроений среди молодежи. Наконец, в этом письме один из видных ученых Эстонии, ректор университета, предлагал искать выход из создавшегося положения в перспективном планировании народного хозяйства и в индустриализации Эстонии. Эти взгляды и беспокойство ученого отражали обострение противоречий между политикой буржуазии и настроениями демократической, прогрессивной части интеллигенции Эстонии, что было связано с назреванием революционной ситуации в Эстонии, растущей борьбой трудящихся за восстановление советской власти.

Материальное положение трудящихся продолжало ухудшаться, увеличивалось количество безработных. В письме бур-

[118] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 7, лист 42—45.

жуазному правительству Союз строительных рабочих писал 10 апреля 1940 года: «С приходом весны строительные рабочие ожидали расширения строительных работ. Но настоящая весна принесла нам большое разочарование, т. к. в строительстве нет заметного оживления». Количество безработных членов этого союза возросло с 30,8% в ноябре 1939 года до 75,4% в январе 1940 года. Тяжелое положение было и в других отраслях народного хозяйства.[119] Правящая верхушка буржуазной Эстонии втягивала страну в гитлеровскую авантюру. Предавая национальные интересы своего народа, она превращала Эстонию в плацдарм для нападения на Советский Союз.

Спасти страну от надвигающейся катастрофы могла лишь победа пролетариата. Действительно, рост революционного движения, возглавляемого коммунистической партией, помощь народов Советского Союза трудящимся Эстонии, поднявшимся на борьбу со своими угнетателями, и благоприятные международные условия привели к решающей победе трудящихся и восстановлению советской власти в Эстонии летом 1940 года.

* * *

Восстановление советской власти в Эстонии раскрепостило трудящихся, освободило их от капиталистического гнета и создало условия для мощного подъема производительных сил, для расцвета науки, техники, культуры. Уже к концу 1940 года промышленность Эстонии по сравнению с 1939 годом значительно возросла. В IV квартале 1940 года в Эстонии производилось больше, чем в IV квартале 1939 года сланца на 74 500 тонн, кирпича на 8 млн. штук, силикатного кирпича в 10 раз больше. Только промышленность строительных материалов за год увеличилась вдвое. Количество рабочих в республике возросло с 1 V 1940 г. по 1 XII 1940 года на 21 100 человек или на 40%.[120]

Страшный бич трудящихся — безработица была ликвидирована. Народному хозяйству требовалось все в большем количестве рабочие и специалисты.

Сбылись пророческие слова Ленина, сказанные им еще накануне социалистической революции: «Видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие (производительных сил — В. А.), как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация

---

[119] 1940. a. Sotsialistlik revolutsioon Eestis, lk. 116, 117.

[120] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, связка 23, дело 166, лист 12, 30.

капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества».[121]

Развитие производительных сил в Эстонии исключительно высокими темпами оказалось возможным в первую очередь благодаря победе советского социалистического строя. Советская власть дала возможность проявить свои способности и таланты широким трудящимся массам. Достижения науки и техники ставились на службу интересам рабочих и крестьян. «Теперь же — говорил Ленин — все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации».[122]

Для высшего технического образования в Эстонии восстановление советской власти означало начало новой, наиболее плодотворной части его истории. Условия, необходимые для развития высшего образования, для осуществления лучших чаяний передовой интеллигенции были созданы борьбой трудящихся за социализм.

Студентов ожидала интересная, содержательная работа на благо своего народа. Коренным образом изменились условия учебы. Не надо было больше платить огромных сумм за учебу, за каждую справку, зачет или экзамен. И все это являлось лишь небольшой частью того нового, что пришло в вуз с советской властью. Перед студентами раскрылись широкие перспективы приобщения к достижениям советской науки братских республик, новые горизонты развития научно-исследовательской работы, советская власть предоставила возможность поступить в вуз сотням и тысячам молодых людей, которые в условиях диктатуры буржуазии не могли и мечтать о высшем образовании.

Руководство Таллинского технического университета горячо приветствовало замечательные перспективы развития высшего технического образования в Советской Эстонии. На следующий день после провозглашения советской власти в Эстонии 23 июля 1940 года ректор Таллинского технического университета проф. Ю. Нуут послал от имени всего коллектива приветственную телеграмму советскому правительству в Москву. В телеграмме говорилось: «Эстонский технический университет в городе Таллине приветствует руководителей свободных народов Советского Союза, выражая готовность всеми силами служить общему великому делу строительства социализма на благо Родины и трудящихся всего мира». В своем письме Правлению университета Ю. Нуут выражал

---

[121] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 440 (IV издание).
[122] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 436 (IV издание).

уверенность, что оно одобрит посылку вышеназванной телеграммы.[123]

6 августа 1940 года было принято постановление правительства Советской Эстонии о приеме новых студентов в вузы республики. В постановлении особо подчеркивалось, что «в университет принимаются в первую очередь лица из семей рабочих, бедняцких хозяйств и трудящейся интеллигенции».

Таким образом возможность получить высшее образование для молодежи из семей трудящихся была гарантирована советским законодательством. Был утвержден «временный устав Таллинского технического университета Эстонской ССР». В уставе были определены основные задачи ТТУ. Целью университета являлось «подготовка кадров, которые были бы способны усвоить передовую науку и технику и, будучи вооружены знаниями научного социализма, были бы готовы защищать советскую Родину и посвятить себя строительству коммунизма».[124]

Постановлением правительства от 25 сентября 1940 года устанавливалась стипендия для студентов из семей трудящихся, которые нуждались в материальной помощи.

Руководство университета, исходя из своего опыта старой школы, не сразу сумело четко представить себе все возможности и льготы, предоставляемые советской властью молодому поколению. Еще 8 августа ректор университета, боясь, что студентам не будет обеспечена стипендия, направил письмо в Таллинскую городскую управу с просьбой, чтобы она и дальше продолжала выделять стипендии имени буржуазного деятеля Я. Поска. Интересно отметить, что Таллинская городская управа ответила 14 августа на этот запрос согласием. 1 X 1940 года руководство университета просило Наркомпрос предоставить стипендии 140 студентам. В действительности советская власть предоставила стипендии еще большему количеству студентов.

Вместе с тем, на основании инструкции Наркомпроса ЭССР от 16 X 1940 года, все студенты из семей трудящихся освобождались от платы за обучение. Всего осенью 1940 года было освобождено от платы за обучение 588 студента из 683.

Эти цифры были невиданными для буржуазного строя. (Сравнительные данные приведены в таблице № 3.[125] Поскольку в буржуазное время ряд студентов зачастую освобож-

---

[123] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 8, лист 56, 57.

[124] Постановление СНК ЭССР от 9 X 1940 г., ENSV Teataja 1940. a., nr. 24, lk. 269.

[125] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 67, листы 73, 82, 91, 145, дело 191, лист 19.

дался от платы за обучение только на половину, в таблице учтено количество студентов в перерасчете на полное освобождение).

	1938		1939		1940	
	весна	осень	весна	осень	весна	осень
Освобождено от платы за обучение	80	78	70	65	72	588
Выдано государственных стипендий	26	21	23	21	22	229

В первом семестре, осенью 1940 года, было освобождено от платы за обучение и выдано стипендий большему количеству студентов, чем за все годы буржуазного господства.

Уже первый прием новых студентов в условиях советской власти осенью 1940 года коренным образом изменил социальный состав студентов технического университета. К весне 1941 года менее 17% студентов происходило из буржуазных семей. Остальные были из семей трудящихся, в том числе 39% студентов из рабочих.

Пролетарская молодежь в первую очередь задавала тон в молодом советском вузе. И это было вполне закономерно, так как с новым приемом осенью 1940 года в состав студенчества влилась рабочая боевая сила социалистического общества. В то же время и для студентов старших курсов все понятнее и ближе становились основы социалистической идеологии. Вот почему, после роспуска реакционных студенческих корпораций, никто о них не скорбел.

Как указывалось выше, некоторые студенты ТТУ еще в буржуазное время были связаны с революционной борьбой трудящихся. С июньских дней 1940 года они активно включились в строительство новой жизни. Студент горно-химического факультета И. Степанов работал в летние месяцы 1940 года секретарем Нарвского горкома комсомола. Под руководством партийной организации он организовал молодежь на проведение важных общественных мероприятий. Комсомольцы и молодежь Нарвы, в том числе и ряд студентов ТТУ, принимали участие в предвыборной кампании в июле 1940 года.

Представители молодежи выступали с докладами, концертами, выполняли многие общественные поручения.

Активно участвовал в работе по восстановлению советской власти на острове Хийумаа студент того же факультета Юри Киппер. Он участвовал в организации собрания трудящихся, в создании первых органов советской власти, в борьбе за сохранение народного имущества и т. д. Здесь же на Хийу-

маа проводил значительную работу другой студент — Всеволод Рейнвальд, приехавший на остров в августе 1940 года. Рейнвальд выступал с пламенными речами на собраниях, переводил на эстонский язык выступления офицеров Советской армии, принимал участие в организации охраны суконной фабрики и т. д.[126]

В соответствии с декларацией Государственного собрания от 23 июля о национализации банков и крупной промышленности 25 июля 1940 года для борьбы с экономическим саботажем и для организованного перехода промышленных предприятий в руки рабочего класса был создан институт комиссаров на промышленных, торговых, строительных и др. предприятиях. Некоторые студенты ТТУ летом 1940 года были назначены Советским правительством Эстонии комиссарами на предприятия города Таллина и помогали передавать эти предприятия в руки народа.

Так, Х. Йоости, студент-строитель, был назначен 26 июля строительным отделом Народного комиссариата легкой промышленности ЭССР советником и комиссаром на строительное предприятие в Таллине по Пярну мнт., 32. На этой должности он работал до начала осенних занятий в ТТУ.[127]

Игорь Доброхотов, студент-механик, с 27 июля 1940 года был комиссаром на мебельной фабрике «Уудне Мээбель».

И. Доброхотов учился в институте с начала его основания. Еще в первые годы учебы, в условиях буржуазного государства он стремился больше узнать о социалистическом строительстве, о жизни в Советском Союзе. В 1939 году он собирался поехать в СССР, но буржуазные власти отказали ему в этом. После июня 1940 года он активно включился в строительство социалистического общества в Эстонии. И. Доброхотов первым из студентов ТТУ был принят в комсомол (23 июля 1940 года). Вторым был принят Игорь Вольмер. Оба они отдали много сил на создание комсомольской организации университета.

В августе, еще до начала занятий, комсомольская органиция была создана. В нее вошли И. Вольмер, Н. Давыдовский, Б. Вальдек, Н. Вайно, В. Рейнвальд, Э. Петтай, Филаретов, Х. Йоости.[128] В сентябре 1940 года в комсомол были приняты

---

[126] «Tallinna Polütehnik», 28. veebruar 1962, пг. 5/6.

[127] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 31, связка 5, дело 699, лист 2, 4.

[128] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ. Фонд 31, связка 5, дело 699, лист 1, 2, 4; связка 2, дело 281, л. 1; связка 28, д. 4115, л. 3; св. 27, д. 3923, л. 1; дело 3913, л. 1; св. 20, д. 2852, л. 1; св. 2,, д. 281, л. 1; св. 2, д. 293, л. 2, 4; св. 15, д. 2117, л. 1, 3; св. 14, д. 2021, л. 2; св. 2, д. 298, л. 1.

студенты В. Григорьев, В. Архангельский, С. Дэкелин, Э. Киппер, Н. Щеглов, П. Мурель и др.

Многие из поступивших на первый курс ТТУ осенью 1940 года принимали до этого активное участие в создании комсомольских организаций на местах.

Так Эрик Суме был одним из организаторов комсомольской организации волости Каарепере. Он принимал активное участие в проведении лекций, собраний, часто выступал на них. Всеволод Найденков летом 1940 года участвовал в создании комсомольской организации волости Казепяя, был избран секретарем комсомольской организации этой волости.[129]

В сентябре 1940 года Таллинский технический университет начал свой первый учебный год в условиях советского строя. Количество студентов увеличилось за год на 200 человек и составляло к концу 1940 года 826. Проходила большая перестройка всей работы Таллинского технического вуза.

Вместо прежних лабораторий были созданы научно-педагогические коллективы-кафедры, объединявшие целую группу преподавателей соответствующей специальности. Всего было осенью 1940 года создано 13 кафедр. В связи с новыми огромными задачами университета значительно увеличился преподавательский состав. В 1939 году в университете работало 17 профессоров, 26 ассистентов и 16 временных преподавателей, работавших по совместительству. В 1941 году работало в Таллинском политехническом институте, как он стал называться с осени 1940 года, — 21 профессор, 8 доцентов 52 ассистента, 5 преподавателей, 9 лаборантов, кроме того 20 человек вспомогательного состава и 31 по совместительству.[130] Таким образом, общее количество основного преподавательского состава увеличилось более чем в два раза. Специальным постановлением Советское правительство увеличило зарплату профессорско-преподавательского состава.

Осенью 1940 года была создана кафедра марксизма-ленинизма. Первым преподавателем ее был А. Сипсакас.

25 сентября в 12.00 часов в торжественной обстановке состоялось открытие нового учебного года. Собрание открыл Юри Нуут. С соответствующей речью выступил А. Сипсакас. На этом собрании впервые в стенах Таллинского высшего технического учебного заведения торжественно прозвучал революционный гимн — Интернационал,[131] являвшийся тогда гимном Советского Союза.

---

[129] Архив Института истории при ЦК КПЭ, фонд 31, св. 23, дело 3330, л. 4; св. 15, д. 2117, л. 1, 4.

[130] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 13, лист 5, 9; дело 191, л. 1, 2.

[131] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 73, лист 188.

Во главе учебного заведения, в качестве коллегиального органа при руководстве вуза был создан Совет. В состав Совета входили ведущие ученые института и представители общественных организаций. От комсомольской организации в состав Совета входил Х. Йоости. Всего в Совете было 18 человек. Его первое заседание состоялось 30 октября 1940 года.

Совет института занимался важнейшими вопросами жизни учебного заведения. Впервые в руководящих органах института обсуждались вопросы научной работы преподавателей, создания учебников для студентов и т. д. В начале 1941 года были утверждены планы издания учебников и первый план научных работ преподавателей ТПИ. В этот план было включено всего 64 работы. Совет института в феврале 1941 года рассмотрел вопрос о создании вечернего отделения института.

В 1941 году при институте открылось экономическое отделение. Совет института принял также решение о необходимости выступлений преподавателей института перед трудящимися с лекциями и докладами на научно-популярные темы. Подготавливалось создание лектория.[132] В то же время институт, используя накопленный опыт технических вузов Советского Союза, переходил на новые учебные планы и организацию учебы по курсовой системе.

Каждый день приносил что-нибудь новое в жизнь института. В ноябре 1940 года коллектив преподавателей и студентов впервые торжественно отмечал годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. На акте, посвященном 23 годовщине Октября, выступили А. Сипсакас, проф. К. Копвиллем и студент комсомолец Э. Петтай.[133] Руководство института и Наркомпрос Эстонской ССР организовали экскурсию студентов в Ленинград.

Для вовлечения студенчества в систематическую научно-исследовательскую работу были созданы научные кружки студентов. Первыми кружками были физико-химический и математико-механический. При институте создавалась аспирантура. В плане на 1941 год намечалось принять 25 аспирантов: 6 по строительным специальностям, 7 по вопросам экономики, 8 по химии и т. д. Первым принятым в аспирантуру был Ильмар Эпик, ныне профессор, доктор технических наук. Всего весной 1941 года было принято в аспирантуру 9 человек.[134]

В начале 1941 года было утверждено положение об испытательной лаборатории института. В постановлении прави-

---

[132] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 13, дело 13, л. 2, 3, 5, 47, 52, 53, 54.
[133] Там же, фонд 1837, оп. 2, дело 73, лист 197.
[134] Там же, оп. 5, дело 39, лист 4; опись 2, дело 189, лист 1, 12, 13, 59.

тельства Эстонской ССР указывалось, что задачей лаборатории является исследование и решение различных технических и научных вопросов, выдвигаемых как по инициативе самого института, так и по заданиям других государственных учреждений и предприятий. Эта работа должна была вестись в двух секциях — механической и химико-технологической.[135]

Как отмечалось на I Таллинской городской партконференции в начале 1941 года, перестройка высшей школы шла наиболее успешно в политехническом институте. Но здесь имелись и определенные трудности, связанные с преодолением ряда идеалистических, отсталых взглядов и концепций части преподавателей, пережитков буржуазно-националистической идеологии.[136] Поэтому исключительное значение имело преподавание курса основ марксизма-ленинизма и организация цикла лекций по важнейшим вопросам марксистско-ленинской теории для преподавателей.

В начале чтения курса основ марксизма-ленинизма часть студентов относилась к этой дисциплине с недоверием. Но большинство студентов с большим интересом и очень добросовестно отнеслись к изучению марксизма-ленинизма.

Делегат на городской партийной конференции А. Сипсакас отмечал в своем докладе: «Когда мы организовали экзамены по основам марксизма-ленинизма, то выяснилась очень приятная картина, даже гораздо лучшая, чем мы могли ожидать. Подавляющее большинство студентов подготовилось к экзаменам очень хорошо. Они имели конспекты, проработали Краткий курс... Среди студентов много таких, которые всем сердцем и душой стоят за коммунизм... лишь небольшая часть сомневается». Не случайно поэтому конференция отметила, что в Таллине среди высших учебных заведений Таллинский политехнический институт по перестройке работы идет впереди.[137]

Партийной организации в институте осенью 1940 года еще не было. Тем большее значение приобрела деятельность комсомольской организации института. Комсомольцы Х. Йоости, Н. Давыдовский и другие помогли создать профсоюзную организацию студенчества.[138] Представитель комсомола Э. Киппер участвовал в работе стипендиальной комиссии. Секретарь комсомольской организации И. Вольмер работал преподавателем на кафедре марксизма-ленинизма.

---

[135] ENSV Teataja 1941. a., nr. 14, lk. 310—311.

[136] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, оп. 1—1, ед. хр. 24, лист 17

[137] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, оп. 1—1, ед. хр. 24, листы 27, 28, 18.

[138] Там же, фонд 31, св. 5, дело 699, лист 5 и св. 2, дело 281, лист 4.

Для ведения повседневной воспитательной работы среди студенчества комсомол выделял активистов и прикреплял их к определенной учебной группе. Уполномоченными комсомола (как их тогда называли) являлись: студент Кайк Лембит, Жерносеков Лев, Хярм Манивальд, Стриж Александр и другие.[139]

Комсомол, студенческая молодежь активно участвовали в общественной работе вне института, в строительстве молодой социалистической республики. В октябре 1940 года 156 студентов, в основном строительного факультета, были направлены Народным комиссариатом сельского хозяйства Эстонской ССР в волости на проведение земельной реформы. Студенты участвовали в наиболее напряженные дни проведения земельной реформы. Всего они работали 10 дней. Насколько ответственным был этот период в проведении земельной реформы, видно из того, что за две недели октября землю получило 11 731 безземельный крестьянин и 15 072 малоземельных крестьянина, а за весь период проведения земельной реформы в 1940—1941 гг. землю получили 26 187 безземельных и 24 662 малоземельных крестьянина.

В волостях студенты проводили разъяснительную работу среди крестьян, работали землемерами, помогали нарезать участки, отмечали участки на местности. На основании постановления волостного правления студенты, вместе с другими сельскими активистами, отбирали землю у кулаков и передавали ее беднякам и батракам. Из студентов в этой работе принимали участие: т.т. Н. Цитович, Б. Вальдек, А. Стриж, К. Каск, С. Докелин, А. Коеметс и многие другие.

Большой политической школой для молодого коллектива ТПИ было участие в избирательной кампании по выборам депутатов трудящихся от ЭССР в Верховный Совет СССР.

После объявления о предстоящих выборах директор института Ю. Нуут издал приказ, в котором поставил задачи перед всем коллективом, и в частности перед комсомолом и профсоюзной организацией. В приказе подчеркивалась необходимость усиления политической бдительности в отношении происков эксплуататорских элементов. Руководство института призывало коллектив ТПИ достойно встретить день выборов, беря в пример рабочих.[140]

Подшефный агитпункт института находился на 53 избирательном участке. Активно участвовали в избирательной кампании комсомольцы ТПИ В. Григорьев, Н. Давыдовский и многие другие.

---

[139] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 143, листы 142, 143.
[140] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 179, лист 1—2.

Рабочий класс, партийные и советские активисты, комсомольцы давали дружный отпор проискам враждебных элементов, пытавшихся помешать выборам, в частности путем распространения клеветнических слухов. Так они, например, распускали слух, будто в каждой кабине на избирательном участке спрятан чекист и потому каждый, кто заходит в кабину, будет незаметно проверен — не голосовал ли он против.

Основное, что антисоветские элементы пытались тогда сделать, — это удержать массы от участия в выборах. Но и эти их попытки окончились полным провалом. В выборах в Совет Союза и Совет Национальностей, проходивших в январе 1941 года, приняло участие 97,4 и 97,3% избирателей.[141]

Одним из кандидатов, избранным трудящимися города Таллина, был директор Таллинского политехнического института профессор Ю. Нуут. Его выдвинул коллектив рабочих и служащих строительства новой школы в Копли.[142] После единодушного избрания Ю. Нуута в Верховный Совет СССР, рабочие строительства Коплиской школы на своем митинге 17 января 1941 года горячо приветствовали только что избранного депутата.

Ю. Нуут, благодаря рабочий коллектив, в своем выступлении призвал трудящихся отдать все свои силы строительству социалистической Эстонии, объединить усилия ученых и рабочих в самоотверженном труде под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством коммунистической партии.[143]

Таллинская городская партийная организация, подводя итоги своей работы и, в частности, итоги выборов в Верховный Совет СССР, отметила, что всего в городе вело работу 160 агитаторов, лучших из них было 20—30 человек. Среди агитаторов проявили себя также активисты Таллинского политехнического института. Хотя агитаторы имели еще мало опыта, но все же это была большая сила, которую приобрел Таллинский городской комитет партии.[144]

После избирательной кампании отдельные комсомольцы-студенты ТПИ были привлечены к работе в лекторской группе ЦК ЛКСМЭ. Весной 1941 года они выступали на различные темы с докладами в Таллине, Палдиски, Куресааре и других местах.

Идейное воспитание студентов в духе марксизма-ленинизма, коренная перестройка всего учебного процесса, на-

---

[141] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, оп. 1—1, ед. хр. 24, лист 93; оп. 23, дело 169, лист 8.

[142] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 179, лист 6.

[143] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 179, лист 6, 7.

[144] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, оп. 1—1, ед. хр. 24, лист 13, 14.

пряженная научная работа, активное участие коллектива ТПИ в общественной жизни — все это явилось составными звеньями в решении основной задачи института — подготовки высококвалифицированных технических специалистов для народного хозяйства Советской Эстонии.

В течение первого советского года общее количество студентов ТПИ значительно возросло. Если весной 1940 года их было 491, то в 1941 г. количество студентов на технических факультетах составило 782 человека и на экономическом факультете 581 человек.[145]

Если ранее многие студенты имели большую академическую задолженность, то в 1940—1941 учебном году из студентов I курса было эксматрикулировано по неуспеваемости только 15 человек, подавляющее большинство было переведено на II курс.

Весна 1941 года была особенной и по количеству окончивших ТПИ. В 1938 году институт окончило всего 7 человек, в 1939 — 6, осенью 1940 года — 3, весной же 1941 года окончило уже 39 человек.[146] Среди окончивших институт в 1941 году был тов. Н. Алумяэ, ныне академик, т. т. В. Полонский, В. Райдна, В. Ильвес и др. ведущие ученые и специалисты Советской Эстонии.

Четко налаженный учебный процесс, большая материальная помощь в виде бесплатного обучения и стипендий для основной массы студенчества — все это создавало благоприятные условия для подготовки в последующие годы еще большего количества инженеров. По составленным в апреле 1941 года наметкам (через год после ранее упомянутого меморандума буржуазному правительству) ТПИ должно было окончить в 1942 году 115 инженеров, в 1943 — 140 и в 1944 — 140 специалистов. Осенью 1941 года на I курс намечалось принять — 400 студентов. Распределением окончивших вуз молодых специалистов стало заниматься непосредственно государство. Оно взяло на себя заботу о трудоустройстве молодых специалистов. Уже в середине апреля 1941 года различные государственные учреждения и предприятия начали подавать заявки на получение оканчивающих институт инженеров. Так, Управление шоссейных дорог ЭССР затребовало к себе на работу 10 молодых специалистов.[147]

Это было вполне закономерно, ибо промышленность мо-

---

[145] Архив Института партии при ЦК КПЭ, фонд 1, связка 23, дело 166, лист 29.

[146] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 191, листы 1, 2, 358, 359, 360; оп. 5, дело 64, лист 177; дело 35, лист 2.

[147] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 2, дело 191, лист 53, 217, 222.

лодой советской республики развивалась невиданными доселе темпами. В 1941 году согласно плану общий объем промышленной продукции города Таллина должен был увеличиться на 51,9%, в том числе в таких важных отраслях промышленности как машиностроение и металлообрабатывающая промышленность — на 40%, промышленность стройматериалов — на 110%. В целом по республике общий прирост промышленной продукции за год должен был составить 36,4%, в машиностроении и металлопромышленности — 49,9%, в промышленности стройматериалов — 43,5%, в химической промышленности — 53,1%, в топливной — 28,7%.[148]

Социалистический строй обеспечивал невиданные возможности бурного развития науки и культуры в ЭССР. В республике создавались новые научные учреждения, стали издаваться новые научные журналы, росло количество средних специальных учебных заведений.

С января 1941 года стал выходить научно-популярный журнал «Теадус я техника» («Наука и техника»). 6 мая 1941 года постановлением СНК ЭССР был создан научно-исследовательский институт при Тартуском государственном университете. В Таллине создавался институт по исследованию ряда проблем промышленности республики. Этот институт должен был работать совместно с Таллинским политехническим институтом и его научными лабораториями. В перво начальный план его работы были включены вопросы строительных материалов, топлива и т. п.

Так возникало подлинное объединение ученых ЭССР, тесно связавших свою деятельность с задачами социалистического строительства. Созданная в свое время буржуазным правительством Академия наук была ликвидирована. Необходимость этого мероприятия вытекала из того, что при ее создании правительство заботилось не столько о подлинном развитии науки, сколько о классовых интересах буржуазии. В связи с этим проф. Ю. Нуут отметил, что «само собой понятно, что надо было ликвидировать прежнюю Академию наук, как организацию, в которой научную квалификацию части ее членов заменяли заслуги совершенно иного характера». Ю. Нуут видел в организации советской властью вышеуказанных научных институтов зарождение в ближайшем времени подлинной Академии наук ЭССР,[149] которая и была создана вскоре после окончания Великой Отечественной войны.

---

[148] Архив Института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, оп. 1—1, ед. хр. 24, лист 179.

[149] «Teadus ja tehnika», nr. 7, 1941. a. juuli, lk. 306.

Наряду с созданием научных институтов намечалось значительное расширение сети средних специальных учебных заведений. В соответствии с постановлением СНК ЭССР в 1941—42 учебном году в Эстонии должно было работать 12 техникумов с 46 отделениями, в которых должно было заниматься 3 677 человек. В том числе предусматривалось открытие 4 вечерних техникумов с 14 отделениями и 1 280 учащимися.

* * *

Мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением фашистской Германии, стремившейся уничтожить советский социалистический строй и превратить территорию нашей страны в свою вотчину, поработить и физически уничтожить наш народ.

Советское правительство, Коммунистическая партия призвали все народы нашей страны на Отечественную войну против фашистских захватчиков.

Нападение фашистских войск представляло смертельную угрозу также для эстонского народа.

По признанию начальника СС и политической полиции в Прибалтике Еккельна, Гиммлер заявил ему, что Остланд испокон веков принадлежал Германии; «в будущем надо будет действовать так, чтобы вместо эстонцев, латышей и литовцев поселить в этом районе немецких колонистов. Для ускоренного осуществления этого плана необходимо большую часть населения Прибалтики переселить или освободиться от нее другим путем и только незначительную часть латышей, эстонцев и литовцев, которая будет служить «райху», оставить на своей земле. Эта часть должна превратиться в граждан Германии и влиться в немецкую нацию».

В своем меморандуме от 3 апреля 1941 года один из главарей фашистской Германии — А. Розенберг открыто заявил, что в Эстонию надо будет послать в массовом порядке немецких крестьян-колонистов и т. д.[150] Следовательно, вопрос стоял не только в защите завоеваний советской власти, но и о самом существовании эстонского народа. Трудящиеся массы ЭССР встали на борьбу с фашистскими захватчиками плечом к плечу со всеми другими братскими народами Советского Союза. Они защищали свою свободу, свою родную советскую власть, свое светлое будущее.

Вместе с рабочими, крестьянами, трудовой интеллигенцией

---

[150] Цитируется по «Saksa fašistlik okupatsioon Eestis», Tallinn, 1947. a. lk. 98—99.

включился во всенародную борьбу против немецких захватчиков также коллектив Таллинского политехнического института.

На митинге в институте 23 июня 1941 года выступающие заклеймили фашистов, вероломно напавших на нашу страну. Коллектив единодушно обязался отдать все свои силы на борьбу для победы над заклятым врагом. В институте была создана команда по связи и противовоздушной обороне. Начальником команды стал профессор Альтма. Была создана также санитарная группа из 13 человек. Студентов в это время в институте не было. Экзамены уже закончились. Они были на производственной практике. В институте находились только преподаватели и обслуживающий персонал.

Коллектив института стремился помочь фронту всем, чем мог. Лаборатории выполняли задания органов советской власти по важнейшим вопросам, связанным с обслуживанием нужд Советской Армии. В короткий срок, например, были даны рекомендации по использованию смеси бензина и спирта, как горючего для автомашин.[151] В августе 1941 года обслуживающий персонал и часть преподавателей, которые не были мобилизованы в армию, приняли участие в оборонительных работах около города. Первые товарищи пошли на строительство уже 3 августа и в оборонительных работах находились до 26 августа. Здесь были рабочие и служащие ТПИ — Роозилехт Анна, Мяги Сальме, Мянниксоо, Ялакас, Вахер, Тульп, Пиксарв, Вейденбаум и другие, а также преподаватели ТПИ — А. Сярев, Х. Муйшнеек и т. д. Часто на оборонительные работы выходило больше людей, чем предусматривалось по наряду. Работали не жалея сил. В справке от 10 августа 1941 года о проделанной членами коллектива ТПИ в тот день работе (выдана 1-м особым строительным отделом Строительного управления Военно-Морского флота), говорилось:

«Настоящим удостоверяю, что Муйшнек Херберт, Эйнберг Ханс, Мандри Фердинанд и Рейнвальд Кустас из Таллинского политехнического института работали 10 августа 1941 года на бетонном заводе Ярве по Пярну маантеэ № 184 с 6 часов до 20 часов».[152]

В тяжелых условиях первого периода Великой Отечественной войны Эстонию отстоять не удалось. Эстонская ССР на три года оказалась под пятой фашистских оккупантов.

Многие преподаватели ТПИ, как и многие жители Эстонии, эвакуировались в глубокий тыл Советского Союза. Мно-

---

[151] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 3, дело 10, лист 71; оп. 2, дело 39, лист 184, 189, 202.

[152] Там же, оп. 5, дело 1, лист 1; оп. 2, дело 194, лист 5, 6, 14, 16, 73, 74.

гие из них стали работать в тылу, продолжали отдавать свои силы для победы над врагом. Среди них следует отметить проф. Ю. Нуут, П. Когерман, А. Альтма, преподавателей и ассистентов А. Гаршнека, Н. Алумяэ, О. Киппера, Э. Раннака, Э. Соонвальда, Я. Коппеля и др.

Пребывание преподавателей ТПИ в глубоком тылу Советского Союза и работа вместе со всем советским народом по защите социалистической Родины, в особенности в трудный период 1941—1942 годов, многому их научили, и дали возможность полнее понять силу и могущество социалистического государства, советского народа. На Урале, в Сибири и во всех других местах, эвакуировавшихся из молодой Советской республики встречали как своих лучших друзей.

Профессор А. Альтма вспоминает, что в декабре 1941 года он заболел в тяжелой форме воспалением легких и не поправился бы, если бы не помощь товарищей, в особенности Дмитрия Онуфриевича Махнача — научного сотрудника Пулковской обсерватории. Именно он достал в местном госпитале редкую в то время пачку сульфидина, привел к больному врача. Его заботам, как вспоминает профессор, он обязан своим выздоровлением.

Такое отношение к эвакуированным товарищам из Советской Эстонии помогало им лучше найти свое место в общей борьбе народов Советской страны против фашистской Германии.

Советское правительство дало возможность научным работникам продолжать свою работу. В марте 1942 года многие специалисты, мобилизованные в Эстонские воинские части Советской Армии, были отозваны и использованы по гражданским специальностям. Часть этих товарищей работала в городе Свердловске в электромагнетической лаборатории Уральского филиала Академии наук СССР, другие в Челябинске в Институте механизации сельского хозяйства. Некоторые работали в лабораториях заводов, в частности Челябинского фармацевтического завода.

Профессор Альтма в своих воспоминаниях подчеркивает, что возникшие тогда научные связи эстонских ученых сохранились и по сегодня. «Немного удивительно, — указывал он, — но именно в тяжелые военные годы открылась возможность полностью посвятить себя научной работе».

С 1944 года научные работники Советской Эстонии стали группироваться вокруг созданного эстонским советским правительством Центрального научно-исследовательского института ЭССР.[153]

---

[153] «Rahva Hääl», nr. 45, 19. augustil 1944. a.

Основная масса студентов и преподавателей Эстонской ССР с начала Великой Отечественной войны находилась в истребительных батальонах, в рядах Советской Армии и с оружием в руках боролась с фашистскими захватчиками. В Советскую Армию ушло 33 преподавателя и 350 студентов ТПИ.[154] Они воевали в истребительных батальонах под Таллином летом 1941 года, в Эстонском национальном корпусе и других воинских частях Советской Армии, в партизанских отрядах и подпольных группах в тылу врага. Они сражались рядовыми солдатами, радистами, командирами Советской Армии.

Бывший студент, ныне кандидат химических наук И. Степанов, в своих воспоминаниях отмечает: «Лично я служил в Советской Армии в 249-й Эстонской дивизии. Там служило много студентов ТПИ. Большинство из них было на командных должностях, т. к. еще в период буржуазной власти окончили военную школу в Таллине и получили звание офицера запаса — «липник». В Советской Армии это звание было переквалифицировано в лейтенанта.

Много студентов служило в спецподразделениях: в саперном батальоне, химроте, батальоне связи, моторазведке».

Большая группа студентов ТПИ находилась в 300 стрелковом полку 7 Эстонской дивизии. Первое боевое крещение Эстонский корпус получил в боях за Великие Луки в конце 1942, начале 1943 года. На подступах к одному из старейших русских городов погибли смертью храбрых студенты ТПИ: Пауль Конт, Кальо Краус, Виктор Раудсеп, Пауль Салури, Георгий Вальдек, Хейно Вальма, Пеетер Розенберг и другие.

Еще в самом начале войны — летом 1941 года вступили в истребительные батальоны и в рабочее ополчение студенты ТПИ — Игорь Цитович, Игорь Вольмер, Всеволод Рейнвальд, Хальянд Саартс, Николай Давыдовский, Юри Киппер. В своих воспоминаниях Ю. Киппер говорит, что он, И. Вольмер, В. Рейвальд и еще несколько студентов были в I Таллинском истребительном батальоне. Комбатом был старший лейтенант Токарев. В. Рейнвальд был назначен командиром первого отделения первого взвода первой роты. Боевое крещение батальон получил на Пярнуском направлении. В конце июля в тяжелых боях, будучи тяжело раненым, В. Рейнвальд попал в плен к немцам. Находясь в тюрьме в Пярну Рейнвальд организовал побег, но его поймали и зверски замучили. Летом этого же года погиб смертью храбрых на фронте первый секретарь комитета комсомола ТПИ И. Вольмер. При исполне-

---

[154] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 5, дело 64, лист 189.

нии своих служебных обязанностей погиб в начале войны студент ТПИ Сергей Йыук.

На подпольной комсомольской работе остался в Таллине Игорь Доброхотов. В партизанских частях на территории Эстонии сражался за Советскую отчизну Лев Жерносеков. Они тоже не вернулись назад, погибнув в боях за Родину.

Погиб на фронте в боях за Советское отечество и второй секретарь комсомольской организации ТПИ — Эдуард Петтай.

Так, многие лучшие представители Таллинского политехнического института отдали свою жизнь ради общего дела, во имя победы над врагом.

Великие цели освободительной борьбы советского народа, его героизм в суровые годы Великой Отечественной войны являлись для многих наших товарищей вдохновляющим источником художественного творчества.

Вот, несколько строк о том, как была создана в годы войны одна из популярных песен о древней столице Эстонии — Таллине. Текст песни «Кодулинн Таллин» — «Родной Таллин», написал О. Роотс, являющийся в настоящее время кандидатом технических наук, преподавателем ТПИ. До войны он был еще студентом. Всю войну О. Роотс прошел, находясь в моторазведроте 249 эстонской стрелковой дивизии в должности помкомвзвода. В своих воспоминаниях о весне 1944 года он пишет:[155] «21 апреля 1944 года вечером мы вышли на подступы Нарвы, на берег реки Луги. Когда на следующее утро солнце разогнало густую пелену тумана, вдали показались угрюмые очертания разрушенной Германовской крепости (в Нарве). В сердце встрепенулась тревога за наш Таллин, возник вопрос, неужели с Таллином так же? И на следующий день, в Юрьев день 1944 года нахлынувшие думы заставили перо написать строки «Родной Таллин», которые вскоре переложил на музыку композитор Эдгар Арро». Эту песню на многих концертах с успехом стал исполнять талантливый певец, ныне народный артист СССР, в 1940 году студент ТПИ Георг Отс.

Тяжелые годы пережил Таллинский политехнический институт в период фашистской оккупации. В условиях фашистского режима, когда официально была провозглашена политика ликвидации порабощенных народов, не могло быть и речи о каком-либо внимании к развитию высшего технического образования в Эстонии. Немецкие оккупационные власти не были в этом заинтересованы, а эстонские квислинги,

---

[155] Воспоминания тт. Роотса, Альтма, Степанова, Лауля хранятся в архиве кафедры Истории КПСС ТПИ.

разные Мяэ, Мере и другие фашистские прихвостни в угоду немецким захватчикам делали все, чтобы не только ничего советского, но и эстонского здесь не осталось.

Оставшиеся в Таллине преподаватели в начале сентября 1941 года обратились к немецким оккупационным властям с просьбой о продолжении занятий в институте.[156] Занятия начались только с 26 января 1942 года. Первый семестр был сокращен до двух месяцев. Он закончился уже 2 апреля того же года. Институт никакой финансовой поддержки со стороны оккупационных властей не получал. Существовать институт должен был в первую очередь за счет учебной платы, взимаемой со студентов. Вот некоторые данные бюджета 1942 года. Все доходы института составляли — 70 682 рейхсмарок, в том числе плата за обучение — 53 510 рейхсмарок. Характерно, что все расходы на оплату преподавателей, на учебную и научную работу были ниже этой суммы.[157]

Из общего количества студентов в институте осталось менее 50%. Но из них регулярно учились только 37%, остальные поступили в институт фиктивно, лишь с целью избежать мобилизации в фашистскую армию, сами же продолжали работать вне института.

Трудными и унизительными были условия работы обслуживающего персонала при фашистском режиме.

Бывший ранее истопником, Иоханнес Лемберг работал в 1940—41 году шофером директора института и вместе с ним эвакуировался в советский тыл. Его жена не смогла с ним поехать и осталась работать уборщицей в ТПИ. Но назначенный фашистами ректор института в октябре 1941 года потребовал от нее выехать из занимаемой квартиры, т. е. фактически выгнал ее на улицу.[158]

Немецкие оккупанты установили зверский режим угнетения и произвола на всей захваченной территории. Нещадная эксплуатация, постоянные поборы «в пользу немецкой армии», мобилизации, повальные обыски и аресты многих простых, честных людей, в том числе и преподавателей ТПИ (как например, ассистента Лауль и др.), не говоря уже о массовых расстрелах — все это характеризовало оккупационный режим на территории Эстонской ССР.

На одной из выставок по оказанию «помощи» фашистской армии был вывешен лозунг: «Мы не будем есть ни одной рыбы вместе с кожей». Рыбью кожу предлагалось сдавать оккупационным властям.

---

[156] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 5, дело 5, лист 2, 3, 4.
[157] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 5, дело 64, листы 184—187.
[158] Там же, дело 35, лист 13; оп. 3, дело 8, лист 6, 38, 39, 41.

Терпя поражение на фронте, фашистские власти пытались некоторыми подачками укрепить свои позиции в тылу, завербовать себе сторонников среди местных жителей. С этой целью в ТПИ было предусмотрено несколько стипендий для студентов.

Но основным условием получения стипендий было участие в антикоммунистической деятельности, в борьбе против всего того, что дала советская власть эстонскому народу. Предпочтение давали тем студентам, которые входили в военизированную организацию Омакайтсе, фашистские карательные батальоны, немецкую армию и т. д.[159] Но фашистам удалось завербовать лишь немногих.

Террор, различные мобилизации, постоянное уменьшение состава студентов и преподавателей дезорганизовывали учебный процесс в институте. В 1943—44 годах учебную программу стали проходить в особенно сокращенном и урезанном виде. В ускоренном порядке было выпущено в 1944 году 21 человек. Всего же за период с сентября 1941 года по июнь 1944 год институт окончило 45 человек.[160]

Многих студентов за невнесение высокой платы за обучение эксматрикулировали. Так, осенью 1943 года было эксматрикулировано 313 человек.[161] В то же время в начале 1944 года было принудительно мобилизовано в немецкую армию около 250 студентов ТПИ. Практически к весне 1944 года вся работа в институте почти совсем замерла. Резко сократился состав преподавателей и обслуживающего персонала. Если еще весной 1943 года в ТПИ работало 178 человек, (преподаватели, служащие и т. д.), то к лету 1944 года их осталось всего 66 человек, т. е. одна треть.

Под угрозой исключения из института и мобилизации в армию, студентов по указке фашистских властей посылали на заготовки топлива. На доске объявлений в институте летом 1943 года было вывешено объявление — приказ предателя Х. Мяэ — эксматрикулировать тех, кто не выработает на этих заготовках предусмотренной оккупантами нормы. По этому приказу студенты исключались без права поступить в институт. И несмотря на все угрозы многие студенты отказались идти работать на оккупантов. 117 человек не явилось на обязательные работы. Дирекция исключила их из института.[162]

В целях онемечивания Эстонии оккупанты действовали и кнутом и пряником. Работникам, владевшим немецким язы-

---

[159] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 5, дело 52, лист 1.
[160] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 5, дело 35, лист 264; дело 72, лист 70.
[161] Там же, дело 35, лист 200; дело 64, лист 169; дело 87, лист 40.
[162] Там же, дело 35, лист 200.

ком, платили надбавку к зарплате, тех, кто не желал изучать немецкий язык, — ждало исключение из института, отправка в армию, на фронт. Специальным постановлением отмечалось, что от платы за обучение не освобождались те студенты, у которых несданной была контрольная работа по немецкому языку. Несмотря на это в одном из официальных отчетов института 23 февраля 1943 года указывалось, что многие студенты хуже принимали участие на занятиях по немецкому языку, чем по техническим дисциплинам, за что их лишили стипендии.[163]

Росло сопротивление фашистским властям и их приспешникам также среди преподавателей.

Под всякими возможными предлогами они стремились избежать зачисления в немецкую армию или фашистский «Эстонский легион». Чтобы избежать мобилизации, они брались за важные темы научных работ, но сроки их выполнения всячески затягивали и срывали.

Самоотверженная борьба советского народа под руководством Коммунистической партии на фронтах и в тылу привела к коренному перелому в ходе войны, к изгнанию фашистских захватчиков за пределы нашей страны, и, наконец, к полному разгрому фашистской Германии.

В результате победоносного наступления Советской Армии была также освобождена Советская Эстония. Но еще задолго перед тем — в 1943 году Советское правительство сочло возможным разрешить правительству Эстонской ССР отозвать из рядов Советской Армии многих студентов для завершения высшего образования. Эту же возможность получили студенты ТПИ, мобилизованные в армию со старших курсов.

Уже летом 1944 года, когда было ясно, что Советская Эстония скоро будет освобождена, развернулась подготовка к возобновлению работы ТПИ.

В Москву были вызваны некоторые прежние работники института. Проф. А. Альтма был назначен 1 августа 1944 года директором Таллинского политехнического института. Будущие работники института знакомились с постановкой работы в вузах Москвы, в Комитете высших учебных заведений, подготавливали учебные планы. В начале сентября в Выру, на освобожденной территории ЭССР, был разработан первый бюджет ТПИ на четвертый квартал 1944 года.

Так сохранились, несмотря на суровые годы войны, научные силы преподавателей и даже известный контингент студентов Таллинского политехнического института.

---

[163] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 3, дело 56, лист 53.

Когда стало ясно, что разгром фашистских войск, освобождение Эстонии Советской Армией неизбежны, в оккупированном Таллине 19 сентября 1944 года гитлеровский начальник Отдела культуры генерал-комиссар Вейсс отдал приказ — перевести все имущество и специалистов ТПИ в Данциг. «Маршрутный» приказ был уже вручен каждому сотруднику. Но еще летом 1944 года, когда фашисты, видя свою неизбежную гибель, уничтожали все при своем отступлении, ряд активистов из коллектива ТПИ организовали охрану института для спасения имущества от разграбления и уничтожения. Во главе этой охраны был профессор Корк.

22 сентября 1944 года мощным ударом советских войск столица Эстонской ССР — Таллин была освобождена. Таллинский политехнический институт, как советский вуз, мог приступить к работе и успешно развиваться.

2 октября в приказе директора по институту сообщалось о начале занятий в ближайшем будущем. Здесь подчеркивалось также, что «нельзя не отметить энергию, которую проявили оставшиеся товарищи при сохранении имущества института в период освобождения родного города».[164]

* * *

Всемирно-историческая победа советского народа в годы Великой Отечественной войны принесла мир и свободу многим народам. «Разгром германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне при решающей роли Советского Союза создал благоприятные условия для свержения власти капиталистов и помещиков народами ряда стран Европы и Азии».[165]

Победа советского народа в Великой Отечественной войне подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное движение социалистического общества.

Исключительное значение эта победа имела для народов советской страны, в частности для эстонского народа и ТПИ.

Уже через пять дней после освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков — 27 сентября 1944 года состоялось первое собрание профессоров и преподавателей института. Всего на этом собрании присутствовало, кроме директора Альтма, пять человек — профессора О. Мадиссон, Л. Юргенсон, И. Карк, доцент Я. Иванд и магистр Х. Раудсепп.

---

[164] ЦГАОР, фонд 1837, оп. 5, дело 4, лист 21.
[165] Программа КПСС, 1961, стр. 19.

На собрании была выработана ближайшая программа работы института, предварительно определена его дальнейшая структура. После собрания состоялся митинг всех сотрудников института, вновь приступивших к работе на освобожденной территории Советской Эстонии.

Первым заместителем директора по учебной и научной работе стал проф. Л. Юргенсон, деканом строительно-механического факультета — проф. О. Мадиссон. 1 октября прибыл на работу доцент Л. Шмидт, который стал руководить горно-химическим факультетом. Деканом экономического факультета был вскоре назначен А. Сипсакас.

Октябрь и первая половина ноября 1944 года были месяцами напряженной работы по подготовке к открытию института. Восстанавливался и укомплектовывался преподавательский состав, восстанавливались кафедры. В ноябре уже было создано 18 кафедр. Формировался контингент студентов. 542 прежних студента были восстановлены, новых было принято 473 человека. Развернулась работа по созданию партийной, профсоюзной и комсомольской организаций института.

15 ноября 1944 года, через полтора месяца после освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков, в Таллинском политехническом институте начались занятия. За эти полтора месяца была проделана большая и самоотверженная работа по восстановлению института. Правда, многого еще не хватало, многое приходилось еще доделывать и совершенствовать в ходе учебного процесса.

По ряду предметов не хватало преподавателей. Имели место трудности с материально-бытовыми условиями студентов. В первом году еще не было студенческого общежития. Многие учебные помещения, а также библиотека, нуждались в ремонте и оснащении оборудованием. У некоторых лабораторий, как наследие прошлого, оставалась слабой техническая база. Определенную трудность представляли следы фашистской и буржуазно-националистической пропаганды среди населения, в том числе среди части студенчества.

Как отмечает в своих воспоминаниях профессор Альтма, несмотря на трудности, работа в институте развернулась так, что «радостно было смотреть, с каким желанием, энергией и старательностью молодые люди вновь включились в учебу, прерванную в годы оккупации. Поскольку в те дни еще продолжались крупные военные операции на фронтах войны, то многие довольно скептически отнеслись к заверению, что студенты освобождаются на время учебы от военной службы. Вспоминая «опыт» фашистской оккупации, казалось невероятным, что Советское государство может разрешить такому

большому количеству молодых людей работать и учиться, не будучи мобилизованными в армию. Но мы уже в годы войны готовились к миру».

В решении всех вставших перед институтом задач громадное значение сыграло постановление ЦК КП Эстонии и СНК Эстонской ССР «Об улучшении работы высшей школы в Эстонской ССР», принятое 9 февраля 1945 года.[166]

В этом постановлении давалась высокая оценка работе вузов республики. Высшие учебные заведения Эстонии, говорилось в постановлении, во главе с Государственным университетом в Тарту, до Великой Отечественной войны занимали почетное место в числе вузов Советского Союза. «Эстонский народ, указывалось далее в постановлении, — справедливо гордится Университетом, Политехническим институтом, Консерваторией, Художественным институтом и Институтом искусств, своей профессурой и студенчеством, высококвалифицированными кадрами, получившими подготовку в этих вузах».

ЦК КПЭ и СНК ЭССР высоко оценили заслуги коллективов вузов в их борьбе за восстановление высших учебных заведений республики, а также определили их дальнейшие задачи.

Главной задачей, как отмечалось в постановлении, было — «в кратчайший срок восстановить потери, нанесенные нашей интеллигенции в период немецко-фашистской оккупации, подготовить для страны высококвалифицированные кадры специалистов для руководства всеми отраслями государственного, хозяйственного и культурного строительства, специалистов, воспитанных на передовых идеях советского мировоззрения».

Важнейшей задачей вузов было развивать науку в тесной связи с задачами социалистического строительства, поставить науку на службу советскому народу.

ЦК КПЭ и СНК ЭССР наметили также конкретные мероприятия по налаживанию текущей работы вузов республики. Предусматривалось завершение перестройки учебной программы, составления первых планов научно-исследовательской работы, причем предлагалось разрабатывать комплексные темы.

Большое внимание было уделено вопросам повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, их марксистско-ленинской закалке.

Борясь за выполнение решений партии и правительства, коллектив ТПИ уже в первые годы после освобождения сумел наладить свою учебную, научную и общественную работу.

---

[166] Архив института истории партии при ЦК КПЭ, фонд 1, опись 1—3, ед. хр. 186, стр. 182—194.

В последующие годы коллектив института внес значительный вклад в подготовку инженерных кадров, в развитие науки, в дело социалистического строительства.

Особенно быстрыми темпами стал развиваться институт в годы развернутого строительства коммунистического общества. Сейчас в стенах института занимается 8200 студентов на строительном, горно-химическом, энергетическом, механическом, экономическом, а также на вечернем и заочном общетехническом факультетах. Тысячи его выпускников работают во всех отраслях народного хозяйства республики, во многих центральных учреждениях и организациях Эстонской ССР.

Благодаря постоянной заботе партии и советского правительства о развитии науки в стране, бурно стала развиваться также научно-исследовательская работа в Таллинском политехническом институте. Создан ряд крупных научно-исследовательских лабораторий в области строительных материалов, химии, энергетики. Наши ученые за последние годы внесли много нового в развитие отечественной науки. Неоднократно представители ТПИ награждались дипломами Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства СССР в Москве, их работы отмечались премиями Совета народного хозяйства ЭССР и т. д. Ученые института — профессора А. Аарна, Х. Раудсепп, И. Эпик, Х. Лауль, Э. Сийрде, Л. Юргенсон, Х. Лепиксон, доценты Э. Соонвалд, Х. Янес, Х. Тийсмус, Х. Орувеэ, В. Кикас и многие другие известны далеко за пределами Эстонской республики.

Растут и ширятся связи ученых института с учеными братских республик, а также с многими научными коллективами зарубежных стран. Ежегодно многие профессора и преподаватели ТПИ бывают в научных командировках в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Швеции, Англии и других странах.

Большой вклад ученые института внесли в разработку таких проблем, как комплексное использование горючих сланцев, транспортировка расплавленных металлов, создание новых стройматериалов, синтетических клеев, строительных конструкций, машин и механизмов и т. д.

С помощью ученых института были разработаны многие вопросы развития производительных сил республики на ближайшие 20 лет.

Наряду с преподавателями активно участвует в научной работе студенчество ТПИ через свое научное общество. Десятки студентов ТПИ ежегодно выступают с научными докладами в других вузах.

Активно участвует студенчество во всей общественной жизни республики, в строительстве коммунистического обще-

ства. Студенты ТПИ внесли свой вклад в строительство Прибалтийской ГРЭС, цементного завода «Пунане Кунда», в освоении целины в Казахстане и т. д.

Спортсмены нашего института, коллективы художественной самодеятельности известны далеко за пределами Эстонской ССР.

Сейчас Таллинский политехнический институт встречает 25 годовщину восстановления советской власти в республике новыми достижениями во всех областях своей деятельности.

Благодаря постоянной заботе советского правительства, Коммунистической партии в условиях развернутого строительства коммунизма — перспективы развития высшего технического образования в Эстонии являются еще более грандиозными.

Институт превратится в один из наиболее крупных высших технических учебных заведений страны.

Уже к 1970 году количество студентов ТПИ достигнет 12 000. Только осенью 1965 года на первый курс поступит 2 400 человек.

Завершается строительство нового комплекса зданий института в районе Мустамяэ. В текущем 1965 году студентам предоставлены новые общежития на 830 мест. В ближайшие годы вступят в строй новые научно-исследовательские лаборатории, в которых будет работать более сотни научных работников.

Все это является составной частью дальнейшего развития науки и культуры Советской Эстонии, равноправного члена великого содружества советских народов.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia

В. И. Архангельский
Канд. исторических наук
ИЗ ПРОШЛОГО ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Таллинский политехнический институт
Редактор А. Пясс
Технический редактор Я. Мыттус

Сдано в набор 19 II 1965. Подписано к печати 28 IV 1965. Бумага 60×90, 1/16. Печатных листов 4,25. Учетно-издательских листов 4,2. Тираж 500 экз. МВ-03944
Заказ 569.
Типография «Юхисэлу», Таллин, ул. Пикк, 40/42.

Цена 25 коп.

Цена 25 коп.